

На правах рукописи

ЧЕРВОНЫЙ Александр Михайлович

**СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИНАМИКА
КАТЕГОРИИ «ЯЗЫКОВОЙ СУБЪЕКТ»
(на материале французского языка)**

Специальность 10.02.05 — романские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Воронеж – 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор,
Алферов Александр Владимирович

Официальные оппоненты:

Кравцов Сергей Михайлович, доктор филологических наук, доцент, Институт филологии, журналистики и межкультурных коммуникаций ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», кафедра романской филологии, профессор

Моисеева Софья Ахметовна, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кафедра немецкого и французского языков, профессор

Федоров Валерий Аркадьевич, доктор филологических наук, доцент, Институт машиностроения и аэрокосмической техники ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный технический университет», кафедра иностранных языков и технологии перевода, заведующий кафедрой

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет

Защита состоится 27 октября 2014 года в 13:30 на заседании диссертационного совета Д 212.038.16 при Воронежском государственном университете по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина 10, ауд. 49.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной библиотеке ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» и на сайте <http://www.science.vsu.ru> (вкладки Наука-Защита диссертаций)

Автореферат разослан « 09» июля 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Велла Татьяна Михайловна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена анализу системно-семиотических и функциональных свойств категории «**Языковой субъект**», объединяющей функциональный класс разноуровневых средств и типологическую парадигму субъектных репрезентативов (СР), которые отражают когнитивные и интеракционные процессы функционирования разных типов субъекта в коммуникативной среде.

Субъект представляет собой наиболее актуальное для изучения явление и не столько потому, что относится к семантико-прагматическому ядру языковой системы, а сколько потому, что в проблеме полифункциональности субъекта проявляются лингвистические проблемы центра и периферии, децентрализации, перехода от системно-структурного имманентного подхода к антропоцентрической парадигме исследования языка.

Важно подчеркнуть двойственный характер категории «Языковой субъект»: с одной стороны, она онтологически соотносится с индивидуальным субъектом, а с другой, – олицетворяет весь социум в социальном субъекте. Кроме того, она соотносится с полиморфным субъектом плана выражения. Если «язык социален, а речь – индивидуальна» (Ф. Соссюр), то категория объединяет как статику (структуру), так и динамику совокупности форм выражения такого двойного субъекта.

Фундаментальным свойством языкового субъекта является его трансцендентный характер: претерпевая различные трансформации в плане выражения, он, видоизменяясь, постоянно присутствует в плане содержания в виде той или иной ментальной репрезентации.

Одной из постоянных трансформаций субъекта языка-речи является редукция морфосинтаксического субъекта в плане выражения (напр., «безличные предложения»). Причины этого явления связаны прежде всего с речевой интенцией говорящего: в зависимости от контекста и ситуации в дискурсе нередко наблюдается невыраженность (устранение) формального субъекта, когда в плане содержания его замещает обобщенное представление. Обобщенное представление субъекта (ОПС) является по сути дела его субституттом, восполняющим информационную лауну, которая возникает вследствие удаления из поверхностной структуры высказывания определенной части информации относительно производителя действия.

Академик В.В. Виноградов термином «устранение лица» определял те случаи, когда говорящий обозначает лишь одно действие, не заботясь о действующем субъекте. Устранение лица он рассматривал как элемент в градации выражения субъекта *с разной степенью определенности*. На материале русского языка В.В. Виноградов рассматривал значение лица у глагола как шкалу, идущую от наименее многозначной формы (первого лица) через семантически более растяжимые формы второго и третьего лица, далее

через неопределенно-личное значение к устранению лица и безличности [В.В. Виноградов].

Однако устранение субъекта действия осуществляется не только на лексико-морфологическом уровне выражения категории лица, но и синтаксическими способами, при которых реальный деятель «понижается в ранге», теряя центральную позицию в актантных синтаксических схемах (например, пассив в его многовариантных проявлениях) [В.Ю. Копров; А.М. Ломов].

Развивая данную концепцию, мы выдвигаем **гипотезу** о полисемантической сущности субъекта, процесс выражения которого затрагивает не только системно-структурные уровни языка, но прежде всего функционально-прагматические механизмы *интенционального кодирования* и *инференциально-интерпретационного* механизма декодирования языковой информации, что превращает категорию «Языковой субъект» в полиморфную лексико-грамматическую категорию на уровне плана выражения.

Объектом исследования в этом случае становится полиморфная **категория субъекта** (КС) в динамике, в виде различных формальных реализаций субъектности как в системе «язык-речь», так и в области взаимодействия формы и субстанции в преломлении к когнитивно-языковым процессам формирования категории субъекта. Категория субъекта объединяет категории персональности и определенности, коррелирующие с оппозициями «одушевленность / неодушевленность», «личность / безличность» и др., и включает их как субкатегории, образующие функционально-семиотическое поле *суперкатегории* (Ю.С. Степанов) языкового субъекта.

Предметом исследования становится **механизм трансформаций** языкового субъекта в рамках определенного когнитивно-семиотического поля КС, понимаемого как результат когнитивной и языковой деятельности в процессе построения того или иного уровня дискурса (словосочетания, высказывания, текста).

Трансформации и, в частности, «устранение» субъекта представляют собой важное коммуникативное явление, которое возникает в разных коммуникативных ситуациях и реализует различные коммуникативные намерения говорящего, осуществляется разнообразными языковыми, речевыми и паравербальными (интонация, жест и т.п.) средствами. Многие из этих средств были предметом специальных исследований. При этом, как правило, научный и практический интерес представляет изучение средств трансформации субъекта в виде функционально-семантического поля, разноуровневые элементы которого связаны ассоциативно-логическими инференциями.

Так, в теории психосистематики Г. Гийома рассматривается неопределенно-личная форма как безграничное расширение семантики конкретного лица. «Устранение» происходит лексическим путем, т.е. путем выражения **реального деятеля** местоимениями с расплывчатой семантикой [G. Guillaume; G.

Moignet]. Объяснение процесса “размывания” формы выражения субъекта было в свое время Э. Бенвенистом в его теории высказывания.

Устранение субъекта осуществляется с помощью конструкций, изменяющих ориентацию процесса и понижающих валентность глагола, отображающего ситуацию [В.Г. Гак]. Невыраженность субъекта действия обнаруживается в синтаксических конструкциях с безличными оборотами, в личных предложениях, в которых субъект выражен обобщенными местоимениями с расплывчатой референцией, субъективными маркерами (глаголами, притяжательными местоимениями, прилагательными и т.д.) [С. Kerbrat-Orecchioni] или метонимически заменен указанием на орудие действия, средство передвижения, местонахождение, часть тела и т.д. Устранение субъекта может также достигаться с помощью номинализации глагола.

В последнее время в связи с распространением антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований, развитием герменевтики, лингвистики текста, паремиологии, структурной семиотики, а также вследствие проводимых постструктуралистами исследований, и т.д. проблема субъекта может быть решена лишь на интегрирующем уровне, базу которого составляет методология **функциональной семиотики**.

Об уточнении и необходимости дальнейшей разработки семиотического принципа именно с функциональной точки зрения, т. е. разработки функционально-семиотического подхода к изучению языковых единиц, писал Ю.С. Степанов. Такой подход должен отражать динамическую сторону языка, быть направлен на функциональность (в момент использования языкового знака в высказывании для выражения определенной мысли), что, по сути, отражает изучение семиозиса как процесса формирования значения знака. Опираясь на принцип изучения актуального знака, можно закономерно связать его формальные проявления (синтактику – по Дж. Моррису), его семантику (конкретное значение в момент употребления) и прагматику как составляющую смысла в контексте употребления субъектных репрезентативов ‘hic et nunc’.

По определению Н.Н. Болдырева, «при функционально-семиологическом подходе язык выступает как единый объект — язык-речь, что позволяет учитывать взаимодействие двух его аспектов: статического и динамического, системного и функционального (деятельностного). Очевидно, что в обыденном сознании носителей языка эти два аспекта практически неразделимы» [Н.Н. Болдырев].

При всей многообразной лексикографической трактовке понятия «субъект», которая варьируется в зависимости от дисциплины, его изучающей, от языка к языку и, соответственно, от автора к автору, мы в своей работе руководствуемся следующим положением: наличие двух уровней когнитивной концептуализации – феноменологического и структурального (см. [Т.Л. Верхотурова]) – обусловлено сложной структурой онтологической сущности, известной под названием *homo sapiens*. Важнейшими составляющими этой структуры выступают “субъект восприятия”, “субъект сознания”, “субъект

действия” и “субъект познания”, при этом различные стороны этих ипостасей так или иначе опосредуются через языковую способность человека, выступающего в роли субъекта речи (см. [А.В. Кравченко]).

У категории субъекта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия, с другой стороны, в структуру категории входит все то, что и делает её фактом языковой культуры – исходная форма (прототип), сжатая до основных признаков содержания, и полиморфизм в плане языкового выражения. К этому добавляются прагмакогнитивные ассоциации, оценки, проявления интенциональности говорящего субъекта. В отличие от концепта, категории свойственно имплицитное выражение, так называемый «значимый ноль», приравниваемый к одной из форм субъектной репрезентации.

Итак, категория «языковой субъект» есть абстрактная ментальная репрезентация, актуализирующаяся в речи в том или ином случае посредством своего конкретного субъектного репрезентатива (СР).

Субъект как языковая категория рассматривается, в целом, семасиологически: предметом исследования становятся средства реализации контаминирующих субкатегорий субъекта и субъективности в языке.

В современных исследованиях субъект как языковая категория исследуется, например, с точки зрения залоговых отношений и прономинальности в синтаксическом, семантическом и прагматическом аспектах [М.И. Магомедов; Н.А. Толстова]; с точки зрения отношений субъекта и объекта в рамках семантического синтаксиса [Н.В. Иосилевич; Т.Ш. Макарадзе; Ю.А. Матаева]; с позиции роли субъекта в построении предложения и его морфологических реализаций в разных языках [Ф.Т. Мамаева; С.А. Мишина]. Категория субъекта, её лексические и синтаксические реализации рассматриваются в структурно-семантических исследованиях с учетом диахронического аспекта, функционально-семантической омонимии, субституции и национальной специфики [Л.Н. Алешина; Т.А. Аминова; Ван Сяоцзюнь; Н.И. Гришина; Л.А. Егорова; Н.В. Ильичева; Н.Я. Козел; С.О. Макеева; Н.А. Олейникова; Т.И. Певнева; И.В. Побегайло; Ю. Чжан].

Особое направление составляют исследования субъективности как принципиальной характеристики и функции субъекта (в языке и речи) в различных её манифестациях как в синхронии, так и в диахронии [Е.Н. Капрэ; С.Г. Нейдаева; Е.Н. Орехова]. К ним примыкают исследования, посвященные типологии субъективности и текстовым (и др.) маркерам субъекта в различных речезыковых формах [И.В. Камнева]. Изучение категории субъекта выходит за рамки предложения-высказывания, и субъект начинает рассматриваться как текстообразующая категория [Н.Д. Имеретинская; Ю.С. Степанов]. Исследования становятся во многом текстологическими и филологическими [Ю.З. Бобкова; А.В. Гарамян; О.П. Глухова; Ж.Б. Думанишева; С.Н. Локтионова; О.В. Меркушева; Т.Г. Никитченко; А.В. Обухов; Н.Н. Пелевина; Э.Н. Поляков; И.А. Трофимова].

В настоящее время в работах, посвященных данной проблематике, наметилась методологическая бифуркация: одни исследования ориентированы все так же на характеристики субъекта внутри языковых или речевых образований (лексика, фразеология, предложение, текст) [М.Ю. Белау; И.А. Бубнова; О.А. Карлина; Н.П. Мерзлякова; С.А. Моисеева; А.А. Талалай; Е.Н. Топтыгина], другие выходят на межпредметный функциональный уровень, рассматривая речеповеденческие характеристики субъекта в различных институциональных реализациях и коммуникативных жанрах [Н.А. Атабекова; Т.М. Гермашева; Л.Я. Зятькова; А.М. Изюров; Ю.С. Казанцева; О.А. Крапивкина; Ю.В. Работкин; О.О. Сподарец; Ю.Р. Тагильцева].

За рамки лингвистической предметности в изучении КС выходят работы функционально-прагматической направленности, ориентированные на социолингвистические аспекты речевого взаимодействия и межкультурной коммуникации: особо следует отметить работы по ономастике как прототипической форме интеракционального маркирования субъекта [С.О. Горяев; Е.Ф. Косиченко; Ю.А. Рылов; Н.Е. Тюкалова и др.]. Успешно развиваются исследования, посвященные речевому поведению субъекта как личности, как члена социального коллектива с определенным кодексом поведения (в том числе и речевого) [С.М. Кравцов; Л.Б. Никитина; И.Я. Свинцицкий и др.]. Эти работы стали логическим продолжением научной мысли, заложенной в трудах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова, В.Б. Кашкина, И.А. Стернина и др., воплотившись в исследования разных кодов речевого взаимодействия субъектов [А.В. Варварин; Е.С. Киреева; Ю.Н. Куличенко; С.И. Приходкина; А.В. Сапега; Н.Ю. Сидорова].

В лингвистической литературе по проблеме субъекта во французском языке, помимо упомянутых выше, можно выделить достаточное количество публикаций, посвященных лингвистическому субъекту и манифестациям субъективности. Эти исследования, берущие начало в антропоцентричной теории высказывания Э. Бенвениста, представлены в работах D. André-Larochebouvry, L. Apostel, P. Charaudeau, J-Cl. Coquet, O. Ducrot, J. François, F. Jacques, C. Kerbrat-Orecchioni, H. Parret, F. Récanati, E. Roulet, а также в целом ряде публикаций скорее философско-филологического плана, которые восходят к постструктурализму, в рамках которого с позиции автора и читателя рассматривается проблема смыслообразования [Р. Барт; К.Н. Кузнецов; Французская семиотика; У. Эко].

Таким образом, подводя итог краткого обзора далеко не всех исследований, так или иначе представляющих субъект и его проявления в языке (субъективность и др. категории), в речи и речевом поведении и, наконец, в целом в ЯКМ той или иной лингвокультуры, можно констатировать синкретизм и многозначность самого термина «субъект».

Поэтому аналитический дескриптивный подход к категории «Субъект», помимо «человеческого фактора», должен быть дополнен синергетическим подходом, объединяющим в одной категории и метаречевые, и онтологические, и метафорические как регулярные, так и окказиональные, когнитивные

репрезентации. Такой холистический подход, используемый в данной работе, тем более оправдан, поскольку он гораздо ближе самому понятию «категория», которая, будучи структурно сложным ментальным образованием, несет в себе как черты внеязыковой (онтологической) перцептивности, понятийности и эмоциональной оценочности в её эксплицитном или инференциальном аспекте, так и языковую ипостась «точки зрения» говорящего/слушающего на источник или объект действия (либо отсутствие таковых) в плане содержания. Существует еще и организующий элемент роли субъекта, в той или иной степени необходимый в плане выражения.

Итак, **целью исследования** становится целостное представление сложноструктурной и полиморфной категории «Языковой субъект» как полиаспектного семиотического конструкта, как управляющего и регулирующего антропоцентрического начала в функционировании языковой и речевой систем, содержание которого не может быть сведено исключительно к фигуре говорящего или его семантико-синтаксическому языковому симулякру.

Предметный и иллюстративный **языковой материал**, использованный в работе, относится к различным уровням языка и речи: от семантико-синтаксического анализа предложений, взятых из произведений французской литературы, до лексикографического описания французских фразеологизмов и паремий как определенного переходного уровня «языка-речи», наиболее приближенного к дискурсу и представляющего реализации категории «Языковой субъект», нормативно или узуально зафиксированные во французской разножанровой идиоматике.

Основная **гипотеза**, выдвинутая на основе проведенных исследований, состоит в том, что «категория субъекта» представляет собой полиморфную категорию, сформировавшуюся на речемыслительном уровне того или иного этноса, которая требует трансуровневого динамического представления элементов структуры, подверженных трансформациям в процессе функционирования.

Заявленная цель исследования предполагает решение следующих задач:

а) выявить связь между синтаксической, семантической и прагматической составляющими категории «**языковой субъект**» (семиотико-функциональный подход);

б) выделить субкатегории, образующие ядро исследуемой суперкатегории, и показать их организующее начало в её семантической структуре;

в) определить возможные трансформации КС в языке и речи, связанные с интенциональностью говорящего, коммуникативной ситуацией, синтаксическими особенностями представления субъекта (на материале французского языка);

д) выработать методологическую модель исследования таких синкретических категорий, как категория «Языковой субъект», применимую для других языков и речеповеденческих культур;

е) апробировать реализацию выработанной модели функционально-семиотического анализа на различных лингвокультурных объектах на уровне системы «язык-речь».

Постановка указанных задач потребовала в рамках **функционально-семиотической методологии** исследования привлечения таких частных методов как: оппозитивный, дистрибутивный, генеративный (диахронический), метод семантико-синтаксического (актантного) моделирования, интерпретационно-имплицативный анализ.

На защиту выносятся следующие теоретические **положения**:

1) Категория «Языковой субъект» реализуется на когнитивно-языковом и функциональном уровнях, допуская семиотическую контаминацию в реализации трех планов — синтаксического, семантического и прагматического. Средства их выражения формируют функционально-семантическое поле (ФСП) категории.

2) Ядром исследуемой категории субъекта в её отношении к онтологии мира и языка является антропоцентрическое понятие “*ego*”. Определяющим качеством субъекта выступает взаимодействие (интеракция) субъекта а) с объектом; б) с субъектом; в) со средой существования.

3) Языковым коррелятом семантического ядра ФСП категории «Языковой субъект» служат личные местоимения «*Я-Ты*» как прототипическая основа языковой коммуникации. Они определяются как *центростремительные элементы* системно-структурной организации категории. В системе местоимений проявляются типологически релевантные трансформации субъекта, т.е. субъектные репрезентативы, которые отличаются наличием некоторых характерологических трансформационных показателей во французском и в других языках.

4) Центростремительным элементам оппозитивно противопоставлены два типа центробежных знаков: *нейтрализующий* и *нулевой*.

5) Элемент, *нейтрализующий Субъект*, в онтологии языка и мира представлен **Объектом**, взаимодействующим с субъектом на основе интерактивной связи. «Субъект-объектные» отношения диалектичны, динамичны, векторно взаимонаправлены и взаимодополняемы, пресуппозиционально предполагают друг друга в структуре самой категории. Нейтрализация субъекта происходит за счет перенесения интенционального фокуса говорящего и/или интерпретатора на семантический объект в его интерактивности.

«Субъект-субъектные» (интеракциональные) отношения рассматриваются по принципу дополнительности по отношению к «субъект-объектным» (интерактивным) отношениям и характеризуются на трех уровнях: деятельностном, речевом и предметно-референтном.

б) *Нулевой* знак представлен крайней децентрализацией, когда субъект перестает существовать как таковой в данной перцептивной среде: либо покидая её (переходя на другой уровень восприятия), либо растворяясь в окружающей его языковой среде, теряя свои основные качества. Устранение

(редукция) субъекта в плане выражения вызывает в когнитивном аппарате индивидуума «обобщенное представление субъекта», заполняющее образовавшуюся когнитивную лауну.

7) Типологической чертой выражения КС является ономастикон, совмещающий персонифицированную апеллятивную функцию с номинативно-референтивной функцией языкового субъекта. Имена собственные в различных своих функциях могут перемещаться от периферии к ядерной зоне категории «Языковой субъект».

8) Трансформации КС обусловлены продуктивностью экспрессивно-дескриптивной функции языка и зависят от интенциональности говорящего. Следовательно, субъективность как основной признак субъекта существует как категория, образующая ядро ФСП наряду с категориями оценки, эмотивности и экспрессивности.

9) Редукция субъекта в плане выражения, вызывая в когнитивном аппарате индивидуума «обобщенное представление субъекта» (ОПС), ведет к метафорически-метонимической компенсации на поверхностном уровне языка-речи.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые дается системный функционально-семиотический анализ категории субъекта и функциональной типологии субъектных репрезентативов (СР), коррелирующих с ментальными моделями, которые составляют содержание и структуру категории «Языковой субъект» на материале французского языка; выявляется прототипичность трансформаций языкового субъекта как в когнитивном, так и языковом аспектах; описывается семиогенез субъектных репрезентативов на разных уровнях системы «язык-речь»; раскрываются механизмы семантико-прагматических трансформаций, обуславливающих закономерности образования и функционирования категории «Языковой субъект».

К научной новизне работы относятся и выработанные в процессе анализа операциональные категории, такие как типы отношений «субъект-объект»-«субъект-субъект»-«субъект-среда», т.е. градуальные отношения, определяющие центростремительные и центробежные векторы функционально-семантического поля (ФСП) категории; «субъектные репрезентативы» (СР), составляющие типологию манифестаций субъекта на языковом и речевом уровнях; «обобщенное представление субъекта» (ОПС), позволяющее мысленно восстанавливать отсутствующий в плане выражения и в плане содержания субъект.

Впервые во французской романистике проведено комплексное исследование языкового субъекта как полифункциональной ментальной репрезентации (категории) с точки зрения трансформаций субъектных репрезентативов на морфосинтаксическом, лексико-семантическом, функционально-семиотическом, фразеологическом и функционально-интеракционном уровнях анализа.

В работе впервые представлена классификация семиотических типов субъектных репрезентативов, описана система функционирования категории субъекта во французской разножанровой идиоматике.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке функционально-семиотической типологии языкового субъекта, основанной на полиаспектном подходе к формированию ЯКМ, объединяющем когнитивные закономерности порождения и восприятия речи с телеологической концепцией языка как знаковой системы. Теоретическая значимость в значительной степени определяется установлением совокупности свойств субъектных репрезентативов, таких как: способность образования синтактико-семиотических полей; диафоричность субститутов субъекта, т.е. кореферентная связь с предыдущими и последующими элементами высказывания и дискурса; дополнительность (сочетаемость) с другими семантико-синтаксическими единицами (например, глаголами) и модусными элементами высказывания и дискурса; способность участвовать в инференционном построении обобщенного представления субъекта (ОПС) в виде «точки зрения», которая определяется системными функциями в семантико-синтаксической организации высказывания и дискурса.

Теоретической значимостью обладает и выводимое понятие прагма-инференциальной конверсии языкового субъекта как результата взаимодействия когнитивного (инференционального) и коммуникативного (импликационного) механизмов мысли и языка. Теоретически обосновано применение категорий «субъектная среда», «субъект-объектные» и «субъект-субъектные» отношения, а также отношения «субъект-среда»; на материале французского языка проведено комплексное описание содержания и структуры категории «Языковой субъект». Проведенное системное исследование функций и трансформаций изучаемой категории позволило создать теоретическое основание для семиотико-функциональной *Теории Субъекта*, релевантной для всех её манифестаций в системе «Язык-Речь».

Практическая значимость определяется тем, что материал и результаты анализа можно использовать в дальнейшем исследовании закономерностей систем разных языковых категорий, а также при разработке курсов по теоретической грамматике французского языка, лексикологии, сравнительной типологии французского и русского языков, коммуникативной грамматике. Теоретические положения и выводы, полученные в результате исследования, используемые в диссертации подходы и методы анализа могут послужить научно-методологической основой для написания курсовых, дипломных и диссертационных работ по лингвистике. Материалы данного исследования нашли применение в практике преподавания французского языка, в теоретических курсах лексикологии и грамматики французского языка в Таганрогском государственном педагогическом институте имени А.П. Чехова; на кафедре французского языка Пятигорского государственного лингвистического университета.

Апробация диссертации. Основные положения и научные результаты исследования прошли апробацию на международных, всероссийских и межвузовских научных конференциях в Москве (1994, 1996, 1998, 2008); в Минске (2010); в Саратове (1999); в Волгограде (2007); в Сочи (1996); в Вологде (1997); в Орске (1998); в Архангельске (1998); в Тамбове (1998); в Пскове (1999); в Иркутске (1998, 1999); в Астрахани (2007); в Майкопе (2006); в Ростове-на-Дону (2007); в Пятигорске (1997, 2012, 2013); в Таганроге (1998, 2005, 2007, 2010, 2011, 2012), на научных семинарах кафедр французского языка Таганрогского государственного педагогического института и Пятигорского государственного лингвистического университета.

Заключительная часть исследования выполнена в рамках гранта Федеральной целевой программы «Кадры», тема проекта «Особенности выражения констант духовной сферы человека в идиоматике различных лингвокультурных сообществ» № 14.В37.21.0528. Руководитель проекта – Червоный А.М.

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры французского языка Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова.

Результаты исследования отражены в 2-персональных монографиях и 2-х коллективных, а также в 65 публикациях – общим объемом более 40 п. л.

Поставленные цели и задачи определили **структуру** и **объем диссертации**, состоящей из введения, пяти глав, заключения и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В 1-й главе **«Теоретические предпосылки исследования языковой категории субъекта»** рассматриваются три ипостаси языкового субъекта, составляющие семиотическую сущность категории, — синтаксическая, семантическая и прагматическая. Согласно выработанной концепции обосновываются основные методологические принципы; представляется структура категории «Языковой субъект»; описываются субкатегории, которые по тем или иным признакам входят в ФСР категории и определяют форму и функции субъектных репрезентаций (СР).

Субъект — сложная концептуальная категория, исследуемая философией, когнитологией, психологией и лингвистикой. Категория субъекта требует трансцендентальной абстракции и, в то же время, существует материально в различных СР. Материальной средой СР является речемыслительная деятельность, а их совокупность составляет план выражения категории «Языковой субъект».

С позиции эволюционной эпистемологии и биосемиотики знание получает расширенную трактовку как адаптация «субъекта» к своему окружению; «субъект» собирает знание о своем окружении (биосистеме) и при этом

выступает как абстрактный субъект системы, получающий из взаимодействия со средой информацию, которой обменивается, при этом будучи необязательно существом одушевленным. Субъект знания/познания, получая столь расширенную интерпретацию, может включать в себя как субъект сознания, так и любой биологический организм. В когнитивном языкознании и в современном литературоведении субъект представлен как некая «точка зрения», иногда материально не выраженная «позиция», соответствующая рефлексирующему сознанию получающего информацию интерпретатора. Таким образом, необходимо выделить **два плана**: когнитивное содержание субъекта и его языковое выражение, без чего адекватное понимание категории «Языковой субъект» невозможно.

Система языка глубоко антропоцентрична. Инвариантная сущность языка проявляется в когнитивной категории «точка зрения» (А.В. Кравченко) или «интерпретанта знака» (Ч.С. Пирс), которые определяют восприятие и, в конечном итоге, смысл сообщения. Из этого вытекают характерные для «субъекта» с позиции разных наук **две фундаментальные черты**:

А) Онтологический субъект — это познающая, информационно активная сущность, которая **действует** в определенной среде, взаимодействуя с ней как в плане обмена информацией, так и в плане воздействия и преобразования среды, т.е. субъективно-объективной действительности, включающей предметы, явления и другие субъекты.

Б) Языковой субъект становится универсальной языковой категорией в плане выражения трех типов когнитивно-деятельностных отношений «субъект – объект; субъект – субъект и субъект – среда» языковыми средствами, независимо от форм и степени выраженности самого субъекта.

Следует разделять понятия **интерсубъективности** (интеракциональности) как свойства субъекта входить во взаимодействие с другими субъектами (**субъект-субъектные отношения**), и **интерактивности** как свойства взаимодействия с активными объектами (явлениями, предметами, действиями, ситуациями и т.д.), в той или иной степени воздействующими на субъект, стимулирующими его к расширению своего когнитивного пространства, побуждающими субъект к преобразованию субъективно-объективной действительности (**субъект-объектные отношения**).

При использовании **семиотико-функционального анализа** выводится типология субъекта как точки преломления различных лексико-грамматических и дискурсивно-прагматических отношений в их статике и динамике, обеспечивающих стабильность и трансформации внутри данной категории. Образуется функционально-семиотическая **среда субъекта**, когнитивно существующая в виде «**точки зрения**», воссоздающая псевдо-отсутствующий субъект как в плане содержания, так и в плане выражения.

Когнитивной предпосылкой исследования категории «Языковой субъект» выступает теория Дж. Лакоффа о *категориальном воплощении* (интуитивные, «базовые», категории обладают более важным психологическим статусом по сравнению с теми понятиями, которые обязательно осознаются). Наблюдается

иерархичность категоризации, когда «более базовые категории сосредоточены “в середине” иерархии “от общего к частному”. Обобщение идет “вверх” от базового уровня, а спецификация — “вниз”» [Дж. Лакофф]. Таким образом, когнитивные модели структурируют мысль и принимают участие в формировании категорий и в рассуждениях.

Большинство категорий спонтанно-интуитивны. Это так называемые *воплощенные модели*. Те модели, которые не воплощены, используются только осознанно и с заметными усилиями.

Итак, выделению такой категории как «Языковой субъект» сопутствует определение её эвристического статуса через анализ субкатегорий, составляющих ядро и периферию *суперкатегории*. К ядру категории необходимо отнести прежде всего субкатегорию персональности, т.е. категорию вовлеченности адресанта и адресата в процесс высказывания. Центральной точкой этой категории, выражаемой на уровне «мысль – внутренняя речь», является онтологическая категория *Ego*, представленная местоименной парадигмой как наиболее обобщающей субъект-субъектные отношения (*Я – Ты*) и субъект-объектные отношения (*Я/Ты – Он/Оно*).

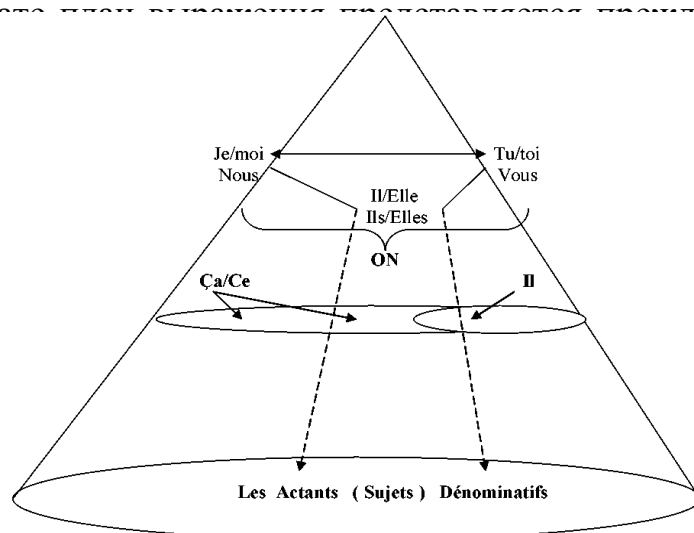
Когнитивная модель (\emptyset – *Среда*) включается в категорию «Языковой субъект» как центробежная, периферийная категория. Поэтому «базовой», центральной субкатегорией категории «Языковой субъект» является категория, образуемая с точки зрения *Ego*. Категория обобщенного субъекта (фр. «*он*») — это верхняя периферия категории (по Дж. Лакоффу), а так называемое «устранение субъекта» — нижняя точка на шкале персональности — безличность в смысле «не-лица» (фр. «*il*» по теории Э. Бенвениста).

По критерию базовости («воплощенности»), прототипичности, центральной ядерной категорией выступает категория субъекта-деятеля в трех её векторных измерениях: «субъект-объектные» отношения, «субъект-субъектные» отношения и отношения «субъект-среда».

Рассматривая категорию «Языковой субъект» как категориальное воплощение *когнитивного гиперполя «Субъект в языке»*, мы опираемся как на категориальное представление языкового субъекта (Дж. Лакофф), так и на функционально-полевой принцип организации элементов, выражающих категорию (включающий градуальность и шкалирование, определяющие ядро и периферию функционально-семантического поля «Субъект в языке» – А.В. Бондарко, В.Г. Гак и др.).

В результате при выделении гиперполя «Субъект в языке» прежде всего как деление на дейктическое

Схема 1. Уро **в дейктическ**

языкового языка):

ия «Субъект в языке»

Функциональное поле персональности и «категориальное единство» субъекта включают все три типа личностного дейксиса. Например, во французском языке: *Je/moi; Tu/toi; Celui; Ceux/ Celles, etc.*, анафоро-катафорические местоимения «*Ceux, qui...*»; «*Celui-ci...*» и т.д. Этот тип выражения субъекта основан на знаках индексах и опирается на сиюминутную ситуацию речи или контекст.

По степени воплощения эти категории находятся в центре функционально-семантического поля субъекта (наиболее «сиюминутны, осязательны»). Ближнюю периферию, стремящуюся вверх по шкале обобщенности («семантической нерасчлененности»), занимают местоимения «*On*»/«*Ça*», проявляющие центростремительную тенденцию (*On*→*Je/Tu/Il*s, etc.).

Номинативное выражение субъекта (имена нарицательные) представляет собой дальнюю периферию, состоит из знаков-символов (конвенциональных слов языка, по Ч.С. Пирсу), например, «*Трамвай зазвенел*», «*Температура поднялась*». Их отношение к субъекту определяется синтактико-семантической функцией (подлежащее — деятель).

Промежуточное положение (ближняя периферия) занимают псевдо-иконические знаки — имена собственные, которые, в свою очередь, делятся на два класса: имена «по знакомству» и «имена по описанию». Первые, будучи знаками-иконами, стремятся к центру ядра — персональному дейксису, вторые — к деноминативным знакам-символам с их семантической структурой плана содержания.

Таблица 1. Типология лексико-грамматических средств выражения категории субъекта

Местоименно-дейктический класс	Антропонимический класс	Денотативно-номинативный класс
--------------------------------	-------------------------	--------------------------------

Функционально-семантическое поле субъекта формируют также различные лексико-грамматические категории с разной степенью релевантности (приближенности к ядру поля): одушевленность/неодушевленность; экстенциональность/интенциональность, а также полифония языкового субъекта, в котором синкретично совмещаются субъект говорящий, субъект переживающий (интенциональный) и субъект-протагонист (деятель).

Крайним проявлением децентрализации и центробежного стремления к пограничной периферии категории «Языковой субъект» является редукция или устранение субъекта из поверхностного плана выражения. Однако исследование показывает, что формы редукции разнообразны, и нулевая форма субъекта либо восстанавливается в виде имплицитного референта, либо

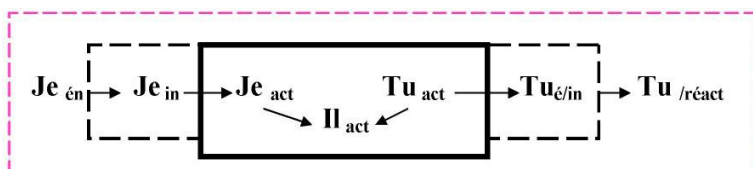
существует в виде обобщенного представления субъекта (ОПС) в модели, где субъект растворяется в среде («*Vouloir c'est pouvoir*» – «*Хотеть значит мочь*»). Последняя модель часто используется в метафоризации, фразеологизации и «топосах» («общих местах», максимах, пословицах и т.д.), исполняющих различные функциональные роли в высказывании и дискурсе.

На примере категории субъекта мы можем наблюдать, как синтаксис, прорастая семантикой, порождает некоторый поливалентный семантический субъект с большей или меньшей степенью эксплицитности, который может иметь референтом как неодушевленную, так и одушевленную субстанцию, действующую, переживающую, претерпевающую воздействие и т.д. Субъект перестает быть связанным с ядерной синтаксической конструкцией (как член предложения) и имеет тенденцию к формально-семантической трансформации.

Необходимо еще раз уточнить, что онтологически субъект имеет три 'ипостаси': Я – говорящий (Энунциатор); Я – рефлексивирующий и интенциональный (Переживающий субъект) и Я – действующий (Протагонист) [В.Г. Гак].

Следовательно, триединый субъект высказывания может быть представлен как субъект трех рамок, трех ситуаций: 1) деятельностно-организационной (ситуация общения) или речевой (организация дискурса); 2) эмоционально-оценочной или интенциональной и 3) пропозициональной.

Схема 2. Три ипостаси субъекта во французском высказывании

где **Je_{én}** — Je énonçant (Я – Энунциатор); **Je_{in}** — Je intentionnel (Я-Интенциональный, переживающий и рефлексивирующий субъект) и **Je_{act}** — Je actant (Я – Протагонист, действующее лицо). Соответственно получатель сообщения может быть обозначен как: **TU_{é/in}** — Tu écoutant et intentionnel (Ты – слушающий, интенциональный, интерпретирующий адресат); **TU_{réact}** — Tu réactif (Ты – реагирующий). В пропозиции могут действовать как лица, так и не-лицо [Benveniste] — **П_{act}** обозначает позицию протагониста 3 лица. Причем, если Я и Ты находятся в интеракционных отношениях («субъект-субъектных»), то 3 лицо (или «не-лицо» по Бенвенисту) составляет с первыми двумя **интерактивные** («субъект-объектные») отношения, независимо от одушевленности/неодушевленности объекта.

Таким образом, поверхностные трансформации, меняющие семантические роли субъекта ('деятель' – 'экспириенцер' и т.д.), лишь подтверждают глубинную суть синтактико-семантической структуры категории «Языковой субъект»: несмотря на «объективность» субъекта, отраженного в поверхностной структуре теми или иными СР, глубинный (имплицитный) субъект — это онтологически реальный источник процесса, становящийся

«точкой зрения», основой ориентации коммуникативной перспективы в поверхностной структуре, во многом определяемой главным структурным центром — глаголом (о вербоцентризме см. [Л. Теньер]).

Во 2-ой главе «Синтаксическая семантика и трансформации языкового субъекта во французском языке» рассматривается категория «Языковой субъект» с точки зрения синтактики и семантики субъектных репрезентативов на системно-структурном уровне. В этой части исследования акцент делается на градуальности формальной выраженности категории в высказывании и трансформациях, которые претерпевают СР на уровне семантической синтактики. Рассматривается семантико-синтаксическая субкатегория языкового субъекта, состоящая в свою очередь из лексико-грамматических форм СР. Исследуется феномен редукции семантического субъекта и взаимодействие плана выражения и плана содержания СР. Определяется роль предикативного центра (ядра) в функционально-семантическом поле языкового субъекта.

Исходя из проведенного анализа теоретического и практического языкового и речевого материала, мы принимаем следующее операциональное определение: *семантическим субъектом* является прежде всего активная, разумная (мыслящая) субстанция, каузирующая причину некоего действия (отношения) и осуществляющая его в реальном (или возможном) мире: существо или артефакт, или, как правило, *индивидуум*, либо его «сублимат», онтологически или метафорически замещающий «позицию субъекта», либо определенная «точка зрения», или «среда субъекта», восстанавливаемая из контекста или ситуации. Однако в зависимости от характера описываемой ситуации протагонист может выполнять в предложении (пропозиции) разные семантические функции. Как известно, У.Л. Чейф выделил на глубинном уровне предложения различные актантные роли: агенса, бенефицианта, пациенса, экспериенцера и т.д.

Под функционально-семантическими трансформациями субъекта, на наш взгляд, следует понимать в разной степени формальную выраженность / невыраженность лексико-грамматических категорий имени субъекта (существительного, местоимения), референтом которого является реальный деятель, интенциональный (переживающий) либо выражающий желания (волитивный) и говорящий (сообщающий, диалогизирующий) индивидуум.

Редукция как основная выявленная трансформация субъекта отражает языковую тенденцию к свертыванию в плане выражения и синкретизму в плане содержания высказывания (предложения, текста и т.п.).

Семантико-синтаксическая структура предложения, сопрягающая предикативно словоформы со значением деятеля и его действия, субъекта состояния и его состояния, предмета и его признака (качественного или количественного) и др., реализует план связи предложения с действительностью и одновременно конкретизирует план связи с мышлением, выражая не вообще субъект и предикат мысли, а его содержательно-формальные разновидности [Г.А. Золотова].

Например, языковые безличные предикаты в предложениях *Il fait du vent; il pleut* лишь называют природные события, не расчленяя их [Ю.С. Степанов].

Однако они вполне синонимичны предложениям *La neige tombe; Le vent souffle*, т.к., в сущности, называют те же события (референты), и глагольный предикат в приведенных предложениях не добавляет нового знаменательного элемента к содержанию подлежащего, маркируя только грамматическое время события или фазу процесса. Лишь то предложение мысленно членится на семантически значимые компоненты, которое отображает ситуацию, состоящую в реальности из соответствующих элементов, выделенных сознанием человека и лексически представленных в языке.

Например, вот как описывается ситуация, в которой неопределенному субъекту приписывается определенная чередой действий:

(1) «*Quelqu'un* était enfermé là-haut, dans une chambre, c'était clair. *Ce quelqu'un* ne devait pas être content d'être claustré de la sorte, puisque, avant le dîner, Malik avait été obligé de monter pour le morigéner.

Ce même quelqu'un avait essayé de profiter du repas qui réunissait toute la famille dans la salle à manger pour s'enfuir. *Il* avait sauté dans la terre molle...»(G. Simenon. «*Maigret se fâche* »).

Редуцируемый субъект *quelqu'un*, несмотря на размытую референцию, берет на себя полноценные функции подлежащего и лексикализируется, что доказывает анафорическая номинация дейктического “*il*”.

Описание предложением действия, характер которого указывает на разумную субстанцию, его производящую, требует, чтобы на синтаксическом уровне позиция подлежащего или дополнения была занята конкретным одушевленным именем существительным или определенно-личным местоимением в качестве исполнителя действия (агенса).

Однако эта закономерность достаточно часто нарушается: реальный деятель либо “затушевывается” местоимениями “*on*”, “*ça*”, *etc.*”, либо в функции подлежащего обнаруживаются имена с отличной от характерной для реального деятеля семантикой; коррелятивно выраженного деятеля при этом на синтаксическом уровне нет (*Il est arrivé un train* – *Пришел поезд*).

При соблюдении всех существующих формальных требований (прямой порядок слов) в позиции подлежащего, в принципе, может оказаться любая часть речи, адекватная значению пропозиции “деятель — действие”. Постоянным (за редким исключением) остается наличие в предложении предиката.

Таким образом, даже актант, означающий реального деятеля в позиции подлежащего, несмотря на свою семантико-синтаксическую релевантность, так же как и остальные субъекты, может быть синтаксически непостоянным элементом.

Первое место подлежащего априорно детерминировано, независимо от морфологических и лексических характеристик остальных членов предложения. Таким образом, подлежащее представляет собой отправную точку предложения. Позиция субъекта-актанта может оставаться в

предложении незанятой, однако в семантической структуре предложения он присутствует на глубинном уровне. Поэтому в функции предмета высказывания при известных условиях может выступать не только имя, обозначающее семантический субъект, но и слова нарицательные, которые связаны смысловыми отношениями с понятием “действие субъекта”.

Актантно-предикатные структуры рассматриваются нами как структуры семантические, включающие семантические актанты (переменные) и семантический предикат (константа) [В.Г. Гак, Л. Теньер].

Основной тенденцией антропологического варьирования выступает редукция семантического субъекта, т.е. замена семантически полных имен на редуцированные и семантически более синкретичные местоименные (дейктические) формы.

Трансформация, в частности редукция, является одной из распространенных во французском языке прагматических стратегий говорящего, связанных с определенными условиями речевого акта, речевого контекста и коммуникативных целей. Употребление говорящим предложений с редуцированным семантическим субъектом зависит, как правило, от двух основных причин: определенности (известности) или неопределенности (неизвестности) субъекта действия [Ю.А. Рылов].

В ситуациях второго типа выражается неопределенность субъекта, т.е. конкретный семантический субъект неизвестен, не очевиден для говорящего, в силу чего его нельзя точно назвать или выразить.

Например:

(2) «*Des pas dans l'escalier. Non pas les pas de Gustave, elle les reconnaissait entre tous. Pourtant une main qui frappe à sa porte: Qui est-ce?*

Elle ouvre et en même temps elle devine dans la pénombre que c'est un enfant.

— *Garçon de course du Ruhl*» (P. Vialar «*Pas de temps pour mourir*»).

Говорящим используется неопределенно-генерализирующая стратегия относительно обсуждаемого предмета речи (объекта), что формально редуцирует референциальный субъект, подчеркивая его интенционал и представляя его с разной степенью обобщения. Например:

(3) «*Vous me demandez comment se fait un roman*» (A. Maurois «*Lettres à l'inconnue*») — ‘пассивизация’ + ‘обобщение’;

Исходя из указанных выше причин, побуждающих говорящего трансформировать семантический субъект, отметим, что этой лингворечевой стратегии (процессу) подлежат референты: 1) неопределенный; 2) определенный; 3) определенный - обобщенный или 4) неопределенный - обобщенный. Таким образом, референтами редуцированного субъекта выступают:

а) Субъект неопределенный единичный.

(4) «*Un bruit confus s'entendit. Naoh rampa dans l'herbe haute* (J-H. Rosny. «*La guerre du feu*»);

б) Неопределенный деятель в собирательном значении.

(5) «— Comment, tu sais ça? *On t'a mêlée à ces histoires?* Elle inclina la tête gravement. — C'est grand-mère et tante Alicia» (S.G. Colette. «Gigi»);

в) Определенный акциональный субъект (актант).

(6) «*Qui parle d'insulter personne?* Je dis ma pensée tout net, mais je ne veux pas vous blesser» (G. Duhamel. «Vue de la Terre promise»). – «*Qui parle = Pas moi*».

Как видим, семантический субъект в пропозиции присутствует имплицитно или эксплицитно, но на синтаксическом, линейном уровне он выражается, помимо акциональных существительных, местоимениями “*on*”, “*qui*”, “*ça*”, “*quelqu'un*”, etc. Имплицитный семантический субъект вербально редуцируется вплоть до **0-ой** формы, хотя семантика предиката продолжает существовать как интерпретанта предложения – знака. Грамматически это соответствует признанному факту, что синтаксическая категория лица шире морфологической категории [Л.И. Илия; Е. Benveniste]. Семантическая категория поднимается над морфологической и синтаксической, прямо или косвенно обозначая субъект. Нередкая невыраженность семантического субъекта в предложениях с акциональным субъектом, по нашему мнению, семантически значима, поскольку в коммуникативном фокусе оказываются продуцируемые им действия, направленные на объекты (субъект-объектные отношения). Форма имплицитного семантического субъекта всегда обнаруживается как «субъектная позиция» или «точка зрения» [У. Эко].

Если во французских безличных предложениях невыраженность субъекта за пределами **воли говорящего**, то редукция семантического субъекта в личных предложениях — один из способов представления субъекта, лингворечевая стратегия, находящаяся в распоряжении говорящего [О. Ducrot], которая опирается на контекстные или ситуативные презумпции [Т.Б. Алисова; А.В. Бондарко; В.Б. Кашкин; И.А. Попова; Ч. Стивенсон; Р. Brown; J-Cl. Coquet; G. Fauconnier; Н.Р. Grice; С. Kerbrat-Orecchioni; D. Sperber].

Таким образом, использование конструкций с индексально выраженным или формально редуцированным семантическим субъектом зависит от выбора говорящего. Однако иногда говорящий субъект вынужден употреблять лексико-семантические средства, которые весьма приблизительно указывают на реального деятеля (*on, ça, qui*), что определяется лексико-синтаксической нормой и узусом речи. Типологическое соотнесение моделей, описывающих действие, предполагает конвенциональное установление признаков, наличие которых характеризует основную модель, а их отсутствие указывает на структурную модификацию в её речевой реализации [Р. Gochet].

Отсюда следует, что существует основная (ядерная) модель предложения с заданным значением и равнозначные ей по смыслу периферийные модели-трансформы.

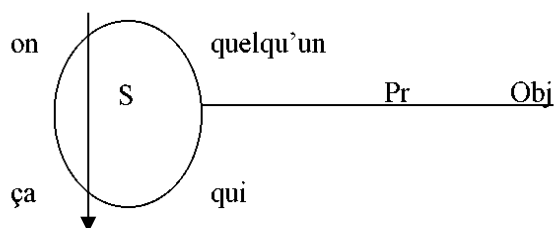
За исходный принцип выделения базисной модели простого предложения, выражающего действие субъекта, принимается признак соответствия и полной симметрии плана выражения и плана содержания предложения — пропозиции, обрамленной эмоционально-оценочной и дискурсивной рамками, которые превращают предложение в высказывание.

Отталкиваясь от базовой модели, мы вычленили последовательность форм редукции субъекта, существующую во французском языке (ср. [J.-Cl. Corbeil]).

Трансформацию базовой модели, позволяющую сохранить на поверхностном уровне предложения формальный маркер семантического субъекта, назовем эксплицитной редукцией.

Вектор направления эксплицитной редукции семантического субъекта имеет вертикальную направленность:

Схема 3. Вектор направления эксплицитной редукции

Из приведенной схемы следует, что редукция семантического субъекта воплощается в дейктико-местоименной парадигме, причем референтное размытие семантического субъекта в большей степени касается: а) обобщенно-личной и б) неопределенно-личной семантики местоимений. Итак:

1. В повествовательных предложениях выраженный номинативной лексической единицей семантический субъект, в зависимости от вышеизложенных коммуникативных причин, может быть заменен местоимениями “*on*”, “*ça*”, “*qui*”, “*celle*”, “*celui*” и т.д. Для получения референциальных знаний о семантическом субъекте требуется ситуативная контекстуальная поддержка. Семантика данных местоимений в отдельно взятом предложении мало что сообщает о реальном деятеле.

2. В вопросительных конструкциях семантический субъект выражен вопросительным местоимением “*qui*”.

Происходит замена S на S int: *Quelqu'un court.* → *On lit un livre.* → *Qui dit cela?* :

$$\frac{\text{S int} + \text{V} + \text{Comp}}{\text{Ag} + \text{Act} + \text{Obj}}$$

где S int — вопросительный субъект.

Полное формальное устранение семантического субъекта происходит в силу трансформационных процессов, имеющих эллиптическую природу. Позиция предиката в этом случае повышается в ранге, становясь семантическим центром, относительно которого осуществляются интерпретация вопроса, независимо от части речи: “*Contente?* – *Oui, très*”; “*Heureuse?* – *Pas trop, tu sais*”; “*Pigé?* – *T’inquiète!*”, etc. Такие формы (речевые стереотипы) характерны для неплавной диалогической речи во французском узусе (ср. [О.В. Александрова; И.Н. Борисова; Е.Ю. Кустова]).

Соответственно имя или местоимение, выражающие семантический субъект, затрагиваются подобными трансформациями, которые приводят к низведению и устранению субъекта из поверхностной структуры предложения.

Отсутствие формально выраженного семантического субъекта приводит к возведению в позицию подлежащего категориально иной частеречной и лексической единицы, обозначающей орудие, предметы деятельности человека, передвижения и т.д.: «*A qui tu proposes ça?*» = ‘Je ne veux pas, moi!’; «*Un train, encore?*» = ‘Je déteste ça!’; «*Manger, toujours manger!*» = ‘Il faut manger pour vivre et pas vivre pour manger’, etc.

Полное, формальное устранение семантического субъекта из синтаксического состава предложения назовем **импликацией субъекта**.

Формы импликации субъекта действия свойственны в первую очередь повествовательным предложениям.

Для импликации субъекта свойственны косвенные, компенсирующие способы обозначения реального актанта. Формальное устранение субъекта $Ag = 0$ имеет место:

1) а) В безличных конструкциях: *Il se vend des livres.*

$$\frac{0 (Il) + V_{réf} + Comp}{Ag + Act + Obj}$$

б) В пассивных конструкциях: *La maison est construite.*

$$\frac{S + V_{pass} + 0}{Obj + Act + Ag}$$

в) В возвратно-каузативных конструкциях: *Il s'est laissé prendre; il s'est vu décerner un prix.*

$$\frac{S_{pass} + V_{caus} + 0}{Obj + Act + Ag (imp)}$$

г) В аналитических глагольно-именных конструкциях: *Le canal est en construction.*

$$\frac{S_{pass} + V(ex) + Compl(N)}{Obj + Act (état) + Ag (imp)}$$

д) В возвратно-пассивных конструкциях: *Ces livres se vendent bien.*

$$\frac{S_{pass} + V_{réf-pass} + 0}{Obj + Act (état) + Ag (imp)}$$

2) Семантически реальный деятель имплицирован с помощью номинализации:

а) Инфинитивом в полипропозициональных предложениях типа: “*J’entends chanter...*”, который классифицируется как полуноминализация:

б) Субъектной номинализацией: *Le combat se poursuit.*

в) Объектной номинализацией: 1. *Il y a des propositions;*

2. *C’est un combat.*

3) Формально реальный деятель не выражен в именных предложениях ($Ag=0$):

а) *Des cris*.

б) В предложениях с зависимой пропозицией:

Après la lecture,.....

4) ИмPLICITно семантический субъект представлен в личных конструкциях:

а) с центростремительными глаголами типа “*recevoir*” (*trouver, bénéficié, subir, connaître*): *Il reçoit une aide*.

б) путем метонимической замены формы выражения реального деятеля: *La ville travaille*.

в) в повелительных предложениях с одним одушевленным или неодушевленным существительным, которое обозначает объект воздействия невыраженного реального деятеля, или инфинитивом, выражающим категорический приказ, который обращен к реальному деятелю: *De l'eau ! Ne pas toucher la porte!*

Отсутствие на синтаксическом уровне семантического субъекта позволяет предложить понятие когнитивно-конструктивной редукции, под которой мы понимаем работу языка и мышления, направленную на элиминацию информационно необязательного синтаксического элемента высказывания.

Лексико-грамматическое поле субъекта-протагониста пересекается с лексико-грамматическим полем акциональных глагольных предикатов.

Акциональные глаголы по характеру своего действия подразделяются нами на три группы (ср. [Г.А. Золотова]). Такие группы могут быть исчислены логически [В.Г. Гак], они универсальны и наблюдаются также во французском языке:

а) глаголы, обозначающие физические действия людей: *frapper qch; jeter qch; donner qch à qn, etc.*;

б) глаголы, выражающие речемыслительные действия: *penser à qn; à qch; dire qch; raconter qch; etc.*;

в) глаголы движения субъекта: *arriver à; voler à; partir pour; etc.*

С полем чувственного (переживающего, интенционального) субъекта сопрягаются следующие типы глаголов:

1) Глаголы эмоционального действия (термин Г.А. Золотовой): “*aimer*”, “*détester*”, *etc.*, которые являются по преимуществу выражением разнообразных чувств и эмоций. Одушевленное имя существительное при таких глаголах, хотя и играет определяющую роль в формировании чувств (интенциональных состояний [J.R. Searle]) субъекта, в то же время не является собственно агентом [О.Н. Селиверстова]. Многие лингвисты включают глаголы **эмоционального** (пропозиционального, интенционального) **отношения** (этот термин предпочтителен) в класс стативов [В. Comrie; J. Lyons].

В предложениях с глаголами “*aimer*”, “*détester*”, *etc.* лексические единицы, обозначающие субъект, принимают роль экспериенцера (термин У. Чейфа).

2) Одушевленная субстанция, обозначенная именем или местоимением, также становится экспериенцером в сочетании с глаголами восприятия “*voir*”, “*entendre*”, *etc.* [А.Е. Кибрик; С.А. Моисеева; У.Л. Чейф].

3) Глаголы обладания “*avoir*”, “*posséder*”, etc. требуют в свою очередь выполнения роли, семантически отличной от функции семантического субъекта – агенса (протагониста). Отношения, имеющие место в бенефактивной ситуации и описываемые этим типом глаголов, поддерживаются лицом, именуемым “бенефициантом” [У.Л. Чейф, 2003]. Таким образом, далеко не каждый глагол может предоставить возможность одушевленному имени быть акциональным субъектом. Семантическая роль актанта предиката зависит от семантики сочетающегося с ним глагола и, в целом, от характера ситуации, которую глагол отражает [Ю.А. Рылов].

Приведенные выше глаголы, требующие заполненной позиции субъекта, включают в свое значение компонент намеренности (интенциональности), что подчеркивает теснейшую семантическую связь субъекта и предиката; они составляют в предложении одно грамматически-семантическое целое (ядро), имеющее свое значение и смысл [Г.А. Золотова; В.Ю. Копров; А.М. Ломов].

Таким образом, центр поля семантического субъекта всегда связан с предикатом, в лексическое значение которого, помимо уже включенных понятий о действии, способе его осуществления и направления, входит метазнание о его типовых аргументах [Дж. Лакофф].

Невыраженность семантического субъекта в предложениях с акциональным субъектом семантически значима, поскольку в коммуникативном фокусе оказываются продуцируемые им действия, направленные на объекты (субъект-объектные отношения). Форма имплицитного семантического субъекта всегда обнаруживается как «субъектная позиция» или «точка зрения».

Глава 3 «**Лексико-семантическое поле средств редукции субъекта во французском языке**» посвящена рассмотрению функциональной типологии субъектных репрезентативов — местоимений “*on*”, “*quelqu'un*”, “*ça*”, “*qui*”, которые находятся в оппозиции к конкретным формам выражения реального деятеля, а также к имплицитным формам редукции семантического субъекта.

Эксплицитный тип устранения семантического субъекта осуществляется лексическими средствами, способом прямой замены, иногда объективно вынужденной, иногда субъективно избранной говорящим. Формы выражения реально существующего деятеля местоимениями “*on*”, “*qui*”, “*quelqu'un*”, “*ça*” лишь маркируют формальное наличие одушевленного, разумного, контролирующего ситуацию деятеля на синтаксическом уровне повествовательных и вопросительных предложений.

Эксплицитное устранение имеет вертикальную направленность, что позволяет избежать асимметрии семантического и синтаксического уровней и таким образом формально сохранить за семантическим субъектом позицию подлежащего во французском предложении.

Несмотря на то, что данные местоимения составляют единую определенную систему средств формального устранения субъекта, можно вычленить их некоторые дифференциальные черты:

А) объективной причиной — неизвестностью, отсутствием знания вызвано устранение семантического субъекта с помощью местоимения “*quelqu'un*”;

Б) дейктическое “ça” заменяет конкретную форму выражения семантического субъекта по субъективным причинам;

В) причины объективного и субъективного плана вынуждают говорящего использовать “on”, “qui” вместо конкретно выраженного семантического субъекта;

Г) референт РС (неопределенный, обобщенный, определенный) соотносится с обозначающими его местоимениями следующим образом:

№	Референт	Репрезентативы субъекта			
I	неопределенный	quelqu'un	on	ça	qui
II	определенный	—	on	ça	qui
III	обобщенный	—	on	ça	qui
IV	Коэффициент синкретичности	1	2	3	4

Д) из группы анализируемых местоимений лишь *quelqu'un* имеет форму множественного числа и изменяется по родам *quelques-uns* — *quelques-unes*. “*Quelqu'un*” во множественном числе приобретает дистрибутивную функцию как и местоимение “*qui*”. Но дистрибутивные РС не относятся к парадигме форм эксплицитно устранимого семантического субъекта в силу тесной диафорической (анафоро-катафорической) связи с антецедентом;

Е) местоимение “*quelqu'un*” всегда используется в своей первичной функции – редукции субъекта. Местоимение “ça” эксплицитно устраняет семантический субъект только во вторичной функции. “*On*” и “*qui*” устраняют семантический субъект как в первичной, так и во вторичной функциях.

Дейктическим “ça” говорящий выражает свое отношение к реальному деятелю. Эксплицитно устраняя семантический субъект, говорящий уменьшает тем самым возможность выражаемого лица выступать в качестве активного субъекта и самостоятельного деятеля. Эксплицитная форма устранения семантического субъекта с помощью указательного “ça” используется говорящим для выражения различных дополнительных смысловых нюансов: грубоватой фамильярности, уничижительности, пренебрежения или снисходительности.

Местоимения “on” и “qui”, выражающие определенный референт обобщенно, используются для усиления аргументации высказанного субъектом речи суждения. Местоимение “*quelqu'un*” в большинстве употреблений нейтрально. (Исключение может быть представлено окказионально, например: «*Nicolas, qui a cassé le vase? – Quelqu'un*»).

В 4-ой главе «Имплицитные формы семантического субъекта» исследуется речемыслительный механизм формального устранения реального деятеля из состава синтаксических конструкций. Под имплицитностью мы понимаем то содержание высказывания, которое выражается не в его языковом компоненте, а логически вычисляется (выводится) путем инференций, т.е. умозаключений, которые включают общую информативную базу интерпретатора («энциклопедические знания»), знания предыдущих (прецедентных) текстов, извлечение смысла высказывания в соответствии с

ситуацией его порождения, а также опережающее знание, «импозицию», т.е. ожидание релевантного в данных обстоятельствах высказывания. Существенные компоненты смысла предложения (в том числе и значение семантического субъекта) выявляются только в ходе его анализа в речевом акте, что требует перехода от предложения как единицы системы языка к его реализации в речи, т.е. к высказыванию. В конструктивном плане высказывание (модель в речи) может быть как синтаксически равнообъемным, так и более сжатым по отношению к полноформленному эталонному предложению, что никак не сказывается на его информационной ценности благодаря смысловой компенсации нечетко выраженных или формально устраненных синтаксических компонентов предложения.

Имплицитное выражение семантического субъекта производится за счет устранения РС на синтаксическом уровне. Полное формальное устранение реального деятеля реализуется с помощью конструкций, уменьшающих валентность глагольного комплекса. Уменьшение валентности предиката осуществляется в:

- 1) пассивных конструкциях, выражающих результат;
- 2) возвратно-пассивных конструкциях;
- 3) возвратно-каузативных конструкциях;
- 4) безличных конструкциях.

Семантический субъект элиминируется в разных типах номинализированных конструкций.

Инфинитив (неполная номинализация) и отглагольное существительное выражают действие, отвлеченное от конкретного деятеля. Имплицитное устранение имеет место в некоторых номинативных предложениях, в конструкциях с субъектной и объектной номинализацией.

Кроме того, семантический субъект имплицитен в предложениях с глаголами-конверсивами и устранен из тех моделей, в которых семантический субъект выражен метонимически.

Модели с имплицитно устраненным семантическим субъектом могут быть равнозначны активным конструкциям с “*on*”. Помимо повествовательных предложений, устранение семантического субъекта происходит в некоторых императивных конструкциях. Просьба, приказ, пожелание в них выражены не финитным глаголом, а инфинитивом или именем.

Имплицитное устранение производится как в монопропозициональных, так и в полипропозициональных предложениях, а также в предложениях с сокращенной синтаксической структурой — односоставных. Полная формальная невыраженность семантического субъекта на синтаксическом уровне предложения позволяет по-разному описывать динамическое событие, в зависимости от того, какой элемент ситуации “*Действие субъекта*” принимается говорящим за исходную точку.

Синтаксическая редукция семантического субъекта выдвигает в позицию подлежащего, в фокус внимания говорящего лексические единицы, выражающие сам процесс, либо объект воздействия, средства человеческой

деятельности или результат его действия. Выделенные нами модели не могут дать полного описания отрезка действительности со всеми его элементами, характеристиками, связями. Формируя в сознании предметно-логическую картину происходящего, говорящий может по-своему, субъективно, избирать и группировать элементы, составляющие ситуацию “Действие субъекта”. Это позволяет описывать одну и ту же ситуацию разными способами. В этом и состоит вариативность языка. Конкретный выбор той или иной модели зависит от интенции говорящего, от им преследуемой цели, т.е. от прагматического фактора.

Формальная непредставленность в синтаксической структуре реального деятеля компенсируется пресуппозицией, охватывающей контекст, речевую ситуацию и универсальные знания о мире. Неизменным остается лишь общий смысл, который содержится в предложениях с устраненным реальным деятелем. Модели отражают антропоморфный процесс независимо от того, выражен или нет семантический субъект. Лицо деятеля определяется не в рамках синтаксической структуры, а на основании более широкого контекста или ситуации.

Наиболее общие выводы, к которым мы пришли в результате исследования синтактики и семантики категории «Языковой субъект», сводятся к следующему:

1) Устранение семантического субъекта имеет место в разных по цели высказывания предложениях: повествовательных, вопросительных, побудительных.

2) Семантический субъект устраняется как из предложений с расширенной синтаксической структурой, так и из предложений с сокращенной синтаксической структурой.

3) Анализ языкового материала убеждает в том, что причины, приводящие к устранению семантического субъекта, имеют объективно-субъективный характер. Устранение семантического субъекта происходит объективно при отсутствии у говорящего выбора форм для отражения реального деятеля, например, при неопределенности субъекта.

Субъективное устранение полностью зависит от коммуникативной интенции говорящего, когда он сознательно выбирает ту или иную модель предложения, из синтаксической структуры которого тем или иным образом устранен семантический субъект.

Устранение семантического субъекта происходит только на синтаксическом уровне, в то время как он всегда присутствует на глубинном семантическом уровне, в сознании, в виде имплицитного говорящего, повествующего субъекта и его «точки зрения». Формальное устранение семантического субъекта вызывается:

- а) внеязыковыми факторами (пресуппозицией, речевой ситуацией);
- б) внутриязыковыми факторами (во избежание повторов, упоминание о реальном деятеле в предыдущем или последующем тексте).

Таким образом, выявляются два типа редукции субъекта, его «устранения»:

а) эксплицитное, которое позволяет сохранить формальное указание на реального деятеля в синтаксической модели эталонного предложения (СР);

б) имплицитное — формально не маркирует семантический субъект.

Эксплицитное устранение производится лексическими средствами, специально для этого предназначенными: неопределенно-личными, обобщенно-личными и неопределенно-указательными местоимениями, которые дейктически указывают на реального деятеля.

Имплицитное устранение достигается синтаксическими средствами, а именно: номинализацией процесса, природа которого антропоморфна; уменьшением валентности глагольного узла, в нашем случае валентность субъекта не актуализируется. Семантический субъект имплицитно устранен из конструкций с глаголами конверсивами, а также из состава моделей, в которых субъект действия метонимически заменен обозначением орудия действия, местом действия. Имплицитное устранение происходит в горизонтальном направлении. Наличие реального деятеля выводится из смысла всего предложения.

Представленное логическое исчисление форм устранения субъекта еще раз подчеркивает мысль о том, что язык стремится к выражению семантической структуры самым синкретичным и экономным образом, адекватным ситуации и контексту.

В выделенных нами моделях событие отображается неконкретно, так как главное действующее лицо затушевано или получает лишь частичную оформленность.

В моделях, представленных в семантико-синтаксическом поле, отражаются контекстные связи. По отдельно взятой модели предложения можно восстановить контекст, который совершенно определенно укажет семантический субъект. Таким образом, для решения проблемы восстановления семантического субъекта необходимо выйти за синтаксические границы отдельного предложения. В ходе анализа синтактико-семантической структуры ядра категории «Языковой субъект» были подтверждены компенсационные функции контекста, с помощью которого выявлялся реальный деятель. Именно благодаря «включенности» в контекст и знанию общей ситуации возможна достаточно точная расшифровка семантической структуры. Редукция и формальное устранение семантического субъекта вызвано интенцией говорящего сфокусироваться на фрейме «Действие и его элементы», за которыми стоит Субъект.

Выстроенная парадигма форм редукции семантического субъекта дает возможность представить предложение, выражающее категорию «Языковой субъект» как систему форм, связанных общим интенционалом. Единый для всех моделей смысл содержится в пропозициональной форме, которая зафиксирована в эталонной, прототипической семантико-синтаксической модели. В предложениях с устраняемым семантическим субъектом выявляется асимметрия между семантической структурой предложения, передающей

“Действие субъекта”, и синтаксическими формами ее выражения. Последние выступают в качестве переменной функцией от предикативной константы.

Модели, составляющие одно функциональное поле, вступают между собой синонимические отношения, поскольку одна модель в конкретной речевой ситуации способна заменить без ущерба для содержания другую. Выбор остается за говорящим, который учитывает все внеязыковые и языковые факторы. Построенная нами парадигма позволила также подтвердить концепцию упаковки (packaging) У. Чейфа. Упаковка – это оформление предложения, связанное со способом подачи предложения говорящим.

Подобное синтаксическое моделирование дает возможность описывать ситуацию с разных сторон и позиций [В.Ю. Копров]. В фокусе внимания говорящего оказываются элементы, составляющие категорию «Языковой субъект» с учетом её ядерного слота “Действия субъекта”.

Чем меньше компонентов отражают семантическую структуру пропозиции, тем более периферийными окажутся субъектные трансформы, поскольку представлен лишь один из фреймов исследуемой категории («Побуждение к действию», «Состояние субъекта», «Среда существования субъекта» и т.д.). В анализируемых моделях отмечается определенный синкретизм денотативной (референциальной) функции при сохранении их сигнификативной функции.

Полнота формального обозначения семантического субъекта зависит от детальной систематизации и изучения не только прямых, но и косвенных способов его оформления. Представленное синтактико-семантическое поле редукции субъекта еще раз наглядно подтвердило тот факт, что данная категория чрезвычайно богата выразительными средствами, пластична, хорошо приспособлена к разнообразному выражению языкового субъекта. Динамизм этой категории проявляется вследствие вариативности дейктических и деноминативных средств выражения субъекта, его эксплицитной редукции с помощью разных СР, а также в результате «устранения реального деятеля», компенсированного когнитивными импликациями, актуализацией афферентных сем, указывающих на отсутствующего субъекта, что обеспечивает семантико-стилистическое разнообразие речи.

В Главе 5 «**Функциональные трансформации субъекта во французской фразеологии**» рассматривается формальное выражение семантического субъекта во фразеологических единицах французского языка. В своем исследовании мы придерживаемся широкого толкования фразеологизма. Под фразеологической единицей (ФЕ) понимается отдельно оформленная единица, которой свойственна лексическая неизменность состава, с полной или частичной семантической трансформацией ее компонентов.

Введение неопределенно-личного местоимения, отражающего рефлексивный субъект, делает высказывание «более объективным», обладающим большей аргументативной силой. Неопределенно-личные высказывания стремятся к обобщению, а, следовательно, и к объективности. С особенной четкостью это свойство проявляется во фразеологии языка, когда

закрепленность формы и содержания, с одной стороны, «снимает ответственность» с говорящего (энунциатора) за достоверность (вероятность) пропозиции, а с другой, допускает амбивалентность интерпретации субъекта-адресата высказанной пропозиции в преломлении к собственным знаниям (пресуппозиции) и к ситуации общения. Например: «*On ne converse pas avec les fous ni avec les clochards*» [D. André-Larochebouvy].

Не случайно, в силу все той же человеческой рефлексии, объектом суждений и умозаключений становится сам язык, речемыслительный процесс, определяющий «языковую личность» [Ю.Н. Караулов], её ценностный тезаурус и степень нормативности поведения (в том числе и речевого [И.А. Стернин]). Однако для перевода рефлексии в плоскость фразеологии необходимо перевести субъект говорящий и интенциональный на уровень субъекта-протагониста, ввести его в пропозицию. Здесь проявляется «дух народа» (по В. Гумбольдту), картина мира как языковой, так и этнической и когнитивной личности (субъекта) [Ю.Н. Караулов], имеющей, в зависимости от целей и ситуации общения, соответствующие номинации.

Субъекту во фразеологическом поле «речемыслительной деятельности» свойственны приведенные выше три ипостаси: протагонист (+ соматическая метафора/метонимия), интенциональный (аксиологический) субъект и энунциатор в рамках локуции данного фразеологизма (фразеологической номинации) в ситуативно обусловленном речевом взаимодействии: (-) «*Mais, tête de bois, on parle pas de ces choses-là!*»(TU); (-) «*Les fous inventent les modes, et les sages les suivent*»(VOUS / ILS); (0) «*C'est dit d'abondance de cœur*»; (+) (JE /TU/IL); «*Qui langue a — à Rome va*» (ON).

Семантическая обобщенность, неопределенно-личная форма субъекта позволяют проследить статику и динамику метафорической реализации субъекта-протагониста во фразеологизмах и поговорках (парадигматически и синтагматически), что дополняет языковую картину, например, речемыслительной деятельности, позволяет определить ситуативную аксиологию фразеологизма, которая целиком относится к совокупной ипостаси энунцирующего и интенционального субъектов. Диапазон употребления дейксиса — от личных местоимений до трансформации или элиминации субъекта-протагониста («*Vouloir c'est pouvoir*») позволяет выявить вовлеченность говорящего во фразеологическую номинацию по параметрам «субъективность/объективность», опираясь на корреляцию «субъектность/бессубъектность» соответствующей синтаксической модели S – V – O и других лексико-синтаксических моделей высказывания. «Неопределенно-генерализированный субъект не выражен отдельным словом и не охарактеризован ни по линии рода, ни по линии числа и лица. Формальное устранение субъекта и актуализация действия и составляют прагматику подобных рефлексивных высказываний» [Ю.А. Рылов].

Субъективность и объективность ФЕ и речевых стереотипов достигается за счет трансформации субъекта. Субъективная оценка объединяет энунциатора и интенционального субъекта во ФЕ, где он представлен еще и как протагонист.

Объективное сообщение (констатация факта) соединяет энунциатора и протагониста. Говорящий может говорить о том, что случилось с ним, тобой, нами т. д.). Некоторую экспрессивно стилистическую окраску высказыванию придает употребление элементов фразеологизированного дискурса разных функциональных (разножанровых) регистров (термины, аббревиатуры, разговорные стереотипы, арго и их коннотации):

« *J'suis un loupard périphérique,
Je crèche pas loin de la Défense
J'ai l'air crados - c'est pas d' ma faute :
Mon HLM n'est pas Byzance*» (R. Séchan «Mon pote»).

В монологическом дискурсе любого жанра текст всегда есть «продукт» автора, который, так или иначе, оставляет маркеры своего присутствия, различные СР и маркеры субъективности [С. Kerbrat-Orecchioni].

Адресат как второй ядерный элемент категории «Языковой субъект» отражает диалогизм субъект-субъектных отношений.

Еще один этномаркированный (присущий в большей степени французскому речевому узусу) пример объективизации фразеологизированной личной формы СР получил название «речевой ассонанс» (напр., «*Tu parles, Charles!*») [Д.В. Быков]. Необходимо отметить, по крайней мере, три особенности данного явления: 1) диалогизм, интеракциональность; 2) иллокутивную (речеактовую) маркированность; 3) совмещение трех функций: апеллятивной, поэтической и конативной.

Людический смысл структуры ассонанса заключается в созвучье части, выражающей пропозицию (с иллокутивной целью), и имени собственного. Отнести ассонансы к фразеологии позволяет как идиоматизация формы (устойчивость, стереотипность), так и основной признак фразеологизма — полное или частичное переосмысление значения. Прямое обращение к собеседнику создает угрозу его «позитивному лицу» [Е. Goffman], поэтому обобщающие антропонимы употребляются как модераторы, или маркеры, смягчающие «угрозу позитивному лицу говорящего» [Е. Goffman].

Функциональная среда ассонанса — разговорная диалогическая речь. Иллокутивные функции ассонансов многообразны, и их можно классифицировать в соответствии с обобщенной дихотомией на «кооперативные» (сочувствие, одобрение, подбадривание, словом, позитивная аксиология в широком смысле) и «конфронтационные (негативные) речевые акты» [М. Trepš]:

I. — подбадривание, одобрение: *Allons-y, Alonzo!*; *Encore un effort, Victor!*; *J'te crois, Benoît!*; *Patience, Hortense!*; *Assure, Chaussure... C'est ta pointure!*; *C'est parti, mon Zappy!*; *Balaise, Blaise!*; *Fonce, Alphonse!*; *Tout à fait, Jean-Michel!*; *Courage, Gustave!*; *T'as raison, Léon!*, etc.

— утешение, сочувствие: *Patience, Hortense!*; *Pas de chance, Constance!*; *Va comprendre, Charles!*; *C'est pas grave, Gustave!*, etc.

— поздравления (констатация успеха): *Champion, Midas!*; *Vive Zému!*; *Y a bon, Banania!*; *Ça colle, Anatole!*, etc.

— ритуальные формулы: *À la tienne, Etienne!* (стереотипный мост); *Shalom, Shalom!*; *Hello, Chariot!*; *Bonne fête, Paulette!*, *Bonsoir, Simone!*, etc.

II. — противоречие, вызов: *Halte-là, Nicolas!*; *Minute papillon!*; *Molo, Paulo!*; *Nicolas, j't'embrouille!*; *Pas sûr, Mazure!*, etc.

С точки зрения жанровых характеристик, такие речевые стереотипы фамильярны и во многом ироничны, что не мешает назвать их регуляторами субъект-субъектных отношений или отношений «субъект-ценностной сферы» (термин А.В. Кравченко).

Центробежная тенденция проявляется в стремлении к обобщению, во французском языке прежде всего за счет местоимения *on*. Его особенность — полифоничность и омонимичность. Как было сказано выше, контекстуально оно способно заменять любое личное местоимение: «*J'en ai marre, de ton air débile*» (= *On en a marre*); «*On boude encore?*» («*Tu boudes encore?*») и т.д.

Однако редукция с *On* не исчерпывает функциональную семантику обобщения во фразеологизмах. Здесь представлены все случаи СР, перечисленные выше (на примере фразеологического поля «Речевая деятельность»): эллипсис с глагольной вершиной: *faire des contes à qn*; *glisser comme chat sur braise(s)* и т.д.; глагол с префиксальным наречием (*en, y*): *en conter / en raconter de belles / de (bien) bonnes, de fortes, de cossues, de vertes*; субстантивизация с экзистенциальными глаголами (оборотами), наречиями, местоимениями, междометиями: *il y a bien à dire entre...*; *elle est bleue, celle-là!*; *ah! le bon billet qu'a La Châtre / de La Châtre*; *aussitôt dit, aussitôt fait*; *ce qui est dit est dit*; *cela m'est sorti de la bouche*, etc.

Паремиологический пласт представлен обобщенными местоимениями и др. и имеет законченную синтаксическую форму сентенции: *Quand l'un dit: "Tue!"*, *l'autre dit: "Assomme!"*; *Qui garde sa bouche garde son âme*; *Un Normand a son dit et son dédit*, etc.

Иногда фразеологизмы, ставшие речевыми стереотипами, содержат личные местоимения, представляющие адресанта или адресата: *S'il vient à bout, j'irai le dire à Rome*; *Tu l'as dit, bouffi!*; *Ta bouche!*, etc. Такие речевые формулы служат оценке и регулированию речевого взаимодействия.

В ходе исследования выяснилось, что категориальные поля *Интеллектуальная деятельность Человека* и *Языковая деятельность Человека* могут быть представлены в виде ядра функционально-семантического поля категории «Языковой субъект».

В результате аналитической обработки материала нами были выделены следующие константы или этапы ментальной деятельности Человека:

1. Процесс мышления, предполагающий объект мысли (думать, размышлять и т.д.): *mettre dans la (sur la; en) balance* – обдумывать, взвешивать за и против, сопоставлять; *faire son compte de* – рассчитывать, предполагать; *ne (n'en) faire ni une ni deux* – долго не задумываться, сразу принять решение, не долго думая; *a l'esprit tendu à qch* – усиленно думать над чем-л.

2. Целенаправленный процесс познания “*cogito*” (познать, узнать что-л. и т.д.): *démasquer (démonter, dévoiler) les batteries de qn* – раскрыть чьи-л. планы,

намерения; *vider une affaire* – выяснить дело; *dire (tirer) la bonne aventure* – предсказать будущее.

3. Характер и возможность успешного процесса познания (понимать, разбираться в чем-л. и т.д.): *ne comprendre (n'entendre) ni A ni B* – ничего не понимать; *travailler du couvercle* – шевелить мозгами, соображать.

4. Результат познания – “знание”. Убежденность в истинности знаний – “вера” (знать, верить во что-л.): *connaître (savoir) qch de (depuis) A jusqu'à Z* – знать что-л. от А до Я (от начала до конца); *ne connaître ni d'Adam ni d'Eve* – совершенно не знать кого-л.; *croire à qch comme article de foi* – слепо верить чему-л., во что-л.

5. Выбор как результат ментальной деятельности (решиться, сделать выбор, принять решение): *prendre sous son bonnet* – решить по собственному усмотрению; *consulter son bonnet de nuit (son chevet, son oreiller)* – отложить решение на утро; *fondre la cloche* – принять неожиданное решение.

6. Оценка, мнение о человеке, его образе действий, а также явлений объективной действительности, произведенное через призму ментальных качеств (дурак – мудрец; умный – глупый; безрассудно; верно; истинно; и т. д.): *abîme (puits) de science* – кладезь премудрости; *âne baté (renforcé)* – набитый дурак; *couper l'arbre pour avoir le fruit* – поступать неразумно; *aller sans bâton* – поступать необдуманно; *à sot auteur, sot admirateur* – дурак дурака хвалит.

7. Сохранение и воспроизведение знаний – “память” (помнить – забыть и т.д.): *Avoir un blanc* – внезапно забыть что-л.; *rien ne vieillit plus vite qu'un bienfait* – ничто не забывается так быстро, как доброе дело; *fourre-toi ça bien dans le ciboulot* – заруби (это) себе на носу.

8. Передача знаний (учить кого-л., объяснять что-л. и т.д.): *apprendre à vivre* – учить уму разуму, житейской мудрости; *n'avoir rien appris, (et)rien oublie* – ничего не забыть и ничему не научиться (о династии Бурбонов); *éclairer sur la couleur* – объяснить что к чему; *faire comme saint Jean qui donnait le baptême sans l'avoir reçu* – учить других тому, чего сам не знаешь.

9. Контроль знаний (проверить, экзаменовать кого-л. и т.д.): *c'est dans l'adversité qu'on connaît les amis* – друзья познаются в беде.

10. Сокрытие знаний, истины: *c'est un bateau* – это надувательство; *donner la(une) baie à (repaitre de baie à)* – обмануть, надуть; *mettre un bandeau à qn* – обманывать, вводить в заблуждение; *faire l'âne pour avoir du bran (du son)* – одурачить кого-л., провести кого-л., прикинувшись дурачком.

11. Итог ментальной и ментально-практической деятельности, воплощение знаний в практической деятельности (придумать что-л., догадаться о чем-л., угадать что-л., сообразить, писать что-л., сочинять что-л. и т.д.): *faire le coup* – осуществить свой замысел; *les fous inventent les modes, et les sages les suivent* – дураки придумывают моду, а умные ей следуют.

В паремиях и ФЕ, дающих большую этническую маркированность оценке умственной сферы человека, отмечается взаимозависимость интеллектуального уровня человека с его физиологическими и антропологическими

особенностями, с перспективами обучения и т.д. Здесь превалирует соматизм *Tête*, косвенно обозначающий когнитивный Субъект:

1) умственные способности – физиологические особенности носителя знаний: *Tête de fou ne blanchit (jamais) pas* – дураки не седеют; 2) умственные способности – качество характера: *Ce qu'il a à la tête, il ne l'a pas aux pieds (au talon)* – если он что-либо вобьет себе в голову, он от этого не откажется; 3) размер головы и умственные способности: *Grosse tête, peu de sens* – большая голова еще не означает большого ума, велика фигура, да дура. Во фразеологизме противопоставляются размер вместилища ума и качество содержания. Во французском языке существует синонимичный фразеологизм приведенному выше выражению *En petite tête gît grand sens* (досл. В малой голове содержится большой смысл) – мал золотник, да дорог; 4) качество умственных способностей – успех: *Qui a bonne tête ne manque pas de chapeau* – у кого есть голова на плечах, тот не пропадет; 5) количество голов, умов – знания, мнения: *Autant de têtes, autant d'avis (d'opinions, de sentiments)* (*vingt têtes, vingt avis*) – сколько голов, столько умов; 6) низкие умственные способности – последствия для обладателя: *Quand on n'a pas de tête, il faut avoir des jambes* – дурная голова ногам покоя не дает; 7) умственные способности – возможность обучения: *A laver la tête d'un âne (d'un Maure, d'un More) on perd (son temps) sa lessive* – дурака учить, что мертвого лечить.

Таким образом, как показал анализ французских фразеологических единиц, субъект как носитель знаний реже получает прямую (*homme/femme*) и чаще косвенную номинацию во фразеологических сочетаниях, имеющих в своем составе соматизмы типа *tête* и др.

Однако, на наш взгляд, еще более важной лексической категорией, выражающей когнитивный субъект, является категория «Langue – Язык». Она динамически проявляет сложный фрейм «Интеллектуальная и речевая деятельность человека». Причем Язык – это «Человек мыслящий и говорящий». Н.Д. Арутюнова пишет: «Язык – это своего рода аналог человека. Как и человек, он соединяет в себе материю и дух. Он воспринимается одновременно умом и органами чувств. Этот дуализм языка, повторяющий двойственную природу человека, отражен почти во всех его дефинициях» [Н.Д. Арутюнова]. На примере ФСП «Речевая деятельность» мы также отмечаем стадии взаимодействия Я говорящего (А), Я интеллектуального (В) и Я протагониста (С). Причем, прослеживается, с одной стороны, их степень эксплицитности, а с другой – выявляются три аксиологические группы:

(I) «поощрение речевой деятельности»;

(II) «запрещение речевой деятельности»;

(III) «оценочные характеристики речевой деятельности».

Первую характеристику мы обозначим латинскими буквами, вторую — цифрами: *ne vous (en) déplaie !* разг. не в обиду вам будь сказано (I – А); *je t'en dirai bien d'autres* – я тебе еще не то скажу (I – А); *vous m'en direz tant !* – уж вы скажете!(II–А+В); *je m'entends bien* (разг.) – я отлично понимаю, что говорю (I –А+В); *J'appelle un chat un chat et Rolet un fripon* – слова Буало о

прокуроре парламента Роле – известном взяточнике (III – A+B); *. je vous en défie – ручаюсь, что вы не сделаете этого* (III – A+B); *aussitôt dit, aussitôt fait – сказано – сделано* (III – C) и т.д. Последний пример с устранением субъекта и объективизацией фразеологизма наиболее представлен во французском фразеологическом тезаурусе.

Таким образом, во фразеологии и поговорках проявляется когнитивный и прагматический (субъект-субъектный, интеракционный) уровни формирования категории «Языковой субъект».

В ходе исследования получены следующие результаты:

— выведены параметры когнитивной динамики категории «Языковой субъект», включающей как метаязыковой, так и семантико-прагматический уровни анализа на материале французского языка (предложение – высказывание – разножанровая идиоматика);

— представлена концептуализация категории «Языковой субъект» в структуре французского языка и при его функционировании (динамике);

— определен когнитивно-семиотический статус категории «Языковой субъект», включающий различные онтологические, языковые и речеповеденческие субкатегории;

— обоснован функциональный статус субъектных репрезентативов (СР), а также процессы трансформаций формального выражения категории «Языковой субъект»;

— представлена классификация функциональных типов языкового субъекта (энунциатор, интенциональный субъект, протагонист); показана их синкретичность в плане выражения исследуемой категории;

— проведен многоаспектный анализ синтактико-семантической составляющей динамики плана выражения категории «Языковой субъект» в его метаязыковой ипостаси синтаксического элемента предложения-высказывания и семантической ипостаси «Субъект – производитель действия»;

— на аутентичном материале исследована французская разножанровая идиоматика, отражающая косвенные формы реализации категории «Языковой субъект»;

— выявлены две ядерные субкатегории категории «Языковой субъект»: «Субъект интеллектуальной деятельности» и «Субъект речевой деятельности», рассмотренные в плане выражения на уровне разножанровой идиоматики.

В Приложениях а) дано лексикографическое двуязычное сопоставительное описание фразеологического поля «Речевая деятельность» с разной степенью выраженности субъектных репрезентативов; б) на примере поэтического текста приведены эксплицитные маркеры субъекта, служащие разноуровневыми и полиморфными субъектными репрезентативами (СР).

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии:

1. Червоный А.М. Функциональная динамика категории «языковой субъект» (на материале французского языка). Монография. / А.М. Червоный. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. – 368 с.

2. Червоный А.М. Типология выражения концепта «Ментальность». Монография. / А.М. Червоный. под ред. Г.Т. Поленовой – Таганрог: Издательство Таганрогского государственного педагогического института имени А.П. Чехова, 2013. – 144 с.

3. Червоный А.М. Генезис, онтогенез, особенности функционирования ментальной лексики в русском языке / А.М. Червоный // Актуальные проблемы когнитивной лингвистики и концептологии (на примере сопоставительного изучения языков) / Коллективная монография под редакцией Е.Е. Дебердеевой. – Таганрог: Издательский центр Таганрогского государственного педагогического института, 2009. – С. 146-166.

4. Червоный А.М. Интеракциональная категория субъекта / А.М. Червоный // Актуальные аспекты интеракциональной теории языка / Коллективная монография под редакцией А.В. Алферова, Е.Ю. Кустовой. – Пятигорск: Издательство Пятигорского государственного лингвистического университета, 2013. – С. 114-155).

Статьи в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Минборнауки России:

5. Червоный А.М. Сравнительно-сопоставительный анализ выражения семантического субъекта в русском и французском языках (на материале пьес А.П. Чехова) / А.М. Червоный // Известия Таганрогского радиотехнического университета. Гуманитарные науки в современном мире. – Таганрог, 2006.– №2. – С. 66-75.

6. Червоный А.М. Выражение движения мысли художественными средствами языка (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») / А.М. Червоный // Известия Южного федерального университета. Технические науки. Тематический выпуск «Гуманитарные науки в инженерном образовании XXI века». – Таганрог: Издательство Таганрогского технологического института Южного федерального университета, 2010.– № 10 (111) – С. 29-34.

7. Червоный А.М. Человек – носитель знаний и ментальных состояний в зеркале французских фразеологизмов с соматизмом «Голова» / А.М. Червоный // Известия Южного федерального университета. Технические науки. Тематический выпуск: Педагогика и психология.– Таганрог: Издательство Таганрогского технологического института Южного федерального университета, 2011.– № 10 (123).– С. 62-70.

8. Червоний А.М. Типы семантического субъекта и его формальные трансформации /А.М. Червоний // Известия Южного федерального университета. Технические науки, 2012. – № 10(135), – С. 34-40.

9. Червоний А.М. Реконструкция процесса устранения и трансформации семантического субъекта в дискурсе (на материале французского языка) / А.М. Червоний // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2012. –№ 2. – С. 118-122.

10. Червоний А.М. Номинация субъекта во французском фразеологизированном дискурсе и паремиях (на материале фразеологического пространства интеллектуальной и речевой деятельности) /А.М. Червоний // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2012.–№ 3. – С. 92-95.

11. Червоний А.М. Ядерные категории в концептуальном поле языкового субъекта /А.М. Червоний // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2013.– № 2 – С. 83-86.

12. Червоний А.М. Синкретизм категории «языковой субъект» в антропоцентрической парадигме (на материале французского языка) /А.М. Червоний //Гуманитарные и социально-экономические науки, 2013. – № 3. – С. 85-88.

13. Червоний А.М. Функциональная динамика выражения субъектно-объектных отношений в сопоставительном плане (на материале русского и французского языков) /А.М. Червоний // Филологические науки. Вопросы теории и практики.– Тамбов, 2013.– № 8-1– С. 198-203.

14. Червоний А.М. Интеллектуальные манифестации субъекта во фразеологическом выражении / А.М. Червоний // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Научный журнал. – Сургутский государственный педагогический университет, 2013. –№ 6(27) – С. 82-88.

15. Червоний А.М. Речевая реализация лексических единиц, выражающих ментальные манифестации субъекта (на материале русского, французского и английского языков) /А.М. Червоний // Филологические науки. Вопросы теории и практики.– Тамбов, 2014.– № 1(31) Часть II.– С. 195-200.

16. Червоний А.М. Выражение интеллектуального уровня субъекта французскими и английскими фразеологизмами / А.М. Червоний // Филологические науки. Вопросы теории и практики.– Тамбов, 2014.– № 2 (32) Часть I.– С. 197-201.

17. Червоний А.М. Фразеологизмы с прямой номинацией субъекта ментальной деятельности (на материале французского и английского языков) /А.М. Червоний // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – №1. – С.116-120.

18. Червоний А.М. Структурные и семантические особенности фразеологизмов, выражающих интеллектуальные качества и психоэмоциональные состояния субъекта (на материале французского и

английского языков) /А.М. Червоный // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 1. С. 70-74.

19. Червоный А.М. Метафорическое выражение субъекта ментальной деятельности французскими и английскими фразеологизмами [Электронный ресурс] / А.М. Червоный // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2014 № 1 (34). – ISSN 1999 – 8406; Гос. рег. № 0421200038. – Идентификационный номер 0421200038\XXXX. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru> (0,5 п.л.).

Статьи и материалы конференций:

20. Червоный А.М. К проблеме семантической интерпретации местоимения “i” во французском предложении /А.М. Червоный // Сборник научных трудов Московского педагогического государственного университета им. В.И. Ленина.– Москва, 1994. – С.48-52.

21. Червоный А.М. Субъектные развернутые структуры как средство устранения семантического субъекта /А.М. Червоный // Материалы межвузовской конференции “Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков в ВУЗе и школе”. – Орехово-Зуево, 1994. – С.15-16.

22. Червоный А.М. Семантический субъект в результативных конструкциях /А.М. Червоный // Сборник научных трудов Московского педагогического государственного университета им. В.И. Ленина. – Москва, 1995. – С.68-70.

23. Червоный А.М. Отсутствие семантического субъекта как одно из специфических средств выражения эмоций /А.М. Червоный //“Язык и эмоции”. Сборник научных трудов. – Волгоград, 1995. – С.101-109.

24. Червоный А.М. Формальное устранение семантического субъекта из конструкций, образованных глаголом-конверсивом “recevoir”/А.М. Червоный //Сборник научных трудов Московского педагогического государственного университета им. В.И. Ленина. – Москва, 1996. – С. 116-118.

25. Червоный А.М. Сокрытие семантического субъекта в интеррогативах во вторичной функции /А.М. Червоный // Материалы конференции “Язык. Культура. Когнитивные науки”. – Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 1996. – С. 218-223.

26. Червоный А.М. Невыраженность семантического субъекта в конструкциях асимметричного пассива /А.М. Червоный // Материалы Международного коллоквиума по лингвистике “Язык и коммуникация: деятельность человека и построение лингвистических ценностей”. – Сочи, 1996. – С. 23-24.

27. Червоный А.М. Неполное выражение семантического субъекта местоимением "qui" в повествовательных предложениях французского языка /А.М. Червоный // Французский язык в пространстве и времени. Материалы семинара – совещания преподавателей кафедр романских языков

педагогических вузов Северо-Запада, №8(36). – Вологда: Русь, 1997. – С. 35-36.

28. Червоный А.М. Обозначение реального деятеля местоимением "ça" и его выражение в русском языке /А.М. Червоный // Материалы Всероссийской научной конференции. Этнос Культура. Перевод – 2. – Пятигорск, 1997.– С.141-142.

29. Червоный А.М. Выражение реального деятеля в тексте (на материале французского языка) /А.М. Червоный // Материалы Всероссийской научно-практической конференции "Лингвистика текста". – Орск, 1998.– С.61-63.

30. Червоный А.М. Невыраженность семантического субъекта в номинативном предложении /А.М. Червоный // Семантика. Грамматика. Дискурс. – Архангельск: Издательство Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 1998. – С.36-37.

31. Червоный А.М. Устранение субъекта из структур с объектной номинализацией /А.М. Червоный // Сборник научных трудов аспирантов и преподавателей Таганрогского государственного педагогического института, Часть III.– Таганрог, 1998. – С.43-46.

32. Червоный А.М. Философско-лингвистическое представление семантического субъекта /А.М. Червоный // Сборник научных трудов "Вопросы филологии в ВУЗе и школе". – Таганрог: Таганрогский государственный педагогический институт, 1998. – С. 53-61.

33. Червоный А.М. Устойчивые языковые выражения в процессе межкультурного языкового общения /А.М. Червоный // Материалы международной конференции "Проблемы межкультурной языковой коммуникации" ("Степановские чтения"). – Москва: Российский университет дружбы народов, Институт языкознания Российской академии наук, 1998. – С. 161-163.

34. Червоный А.М. В поисках семантического субъекта /А.М. Червоный // Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Часть II. – Тамбов, 1998. – С.90-92

35. Червоный А.М. Парадигма форм устранения семантического субъекта (на материале французского языка) /А.М. Червоный // "Лингвистические парадигмы и лингводидактика". Материалы III Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 1998. – С. 100-102.

36. Червоный А.М. Синтаксические особенности полипропозиционального предложения /А.М. Червоный // "Лингвистические парадигмы и лингводидактика". Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Иркутск, 1999. – С. 85-86.

37. Червоный А.М. Устранение лица в русско-французской лингвистической традиции /А.М. Червоный // Г. Гийом и русская лингвистическая традиция (контакты школ и культур). Материалы семинара-совещания преподавателей кафедр романских языков педагогических вузов Северо-Запада, – Псков, 1999. –№9 (37). – С.17-18.

38. Червоный А.М. Асимметрия выражения субъекта в возвратно-пассивных и возвратно-каузативных конструкциях французского языка /А.М. Червоный // “Язык писателя. Текст. Смысл”. Сборник научных трудов. – Таганрог, 1999.– С. 131-137.

39. Червоный А.М. Эксплицитные формы устранения семантического субъекта во французском языке /А.М. Червоный // “Актуальные проблемы романистики: Язык. Общество. Культура”. Материалы I-ой Российской конференции по романскому языкознанию. – Саратов, 1999. – С.212-213.

40. Червоный А.М. Импликация семантического субъекта в процессе метонимизации и номинализации /А.М. Червоный // “Языковые единицы. Логика и семантика, функции и прагматика”. Сборник научных трудов. – Таганрог, 1999. – С. 106-112.

41. Червоный А.М. Причины полной и частичной невыраженности субъекта /А.М. Червоный // “Вопросы филологии в школе и ВУЗе”. Ч. 2. Сборник научных трудов. – Таганрог, 1999. – С. 50-53.

42. Червоный А.М. Логические исчисления форм невыраженности семантического субъекта /А.М. Червоный // “Вопросы романо-германской и русской филологии”. – Пятигорск, 2000.– С. 227-230.

43. Червоный А.М. Функционально-семантическое поле эксплицитных форм устранения субъекта в повествовательном предложении /А.М. Червоный // Межвузовский сборник научных трудов: “Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация”. – Пятигорск, 2000. – С. 268-274.

44. Червоный А.М. Пропозиция - ментальная составляющая коммуникации /А.М. Червоный // “Вопросы филологии и педагогики в школе и в ВУЗе”. Сборник научных трудов. – Таганрог: Издательство Таганрог, 2001. – С.97-99.

45. Червоный А.М. Синтаксические формы выражения каузальности (на материале французского языка) / Е.А. Кравченко, А.М. Червоный //“Вопросы филологии и педагогики в школе и в ВУЗе”. Сборник научных трудов. – Таганрог: Издательство Таганрог, 2001. – С. 33-37.

46. Червоный А.М. Анализ семантико-грамматической зависимости частей сложного предложения с относительной связью (на материале французского языка) /О.А. Кудренко, А.М. Червоный // “Вопросы филологии и педагогики в школе и в ВУЗе”. Сборник научных трудов. – Таганрог: Издательство Таганрог, 2001. – С. 37-43.

47. Червоный А.М. Акт речи в профессиональной деятельности человека (по материалам обращения президента Франции Ж.Ширака к молодежи России) /А.М. Червоный // “Речевая деятельность. Текст”. Межвузовский сборник научных трудов. – Таганрог: Издательство Таганрогского государственного педагогического института, 2002. – С. 247-255.

48. Червоный А.М. Типология субъекта /А.М. Червоный // “Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков”. Материалы международной научной конференции. Ч II. – Таганрог: Издательство Таганрогского государственного педагогического института, 2005.– С. 115-120.

49. Червоный А.М. Имена собственные в устойчивых выражениях французского и русского языков /А.М. Червоный // Проблемы региональной ономастики. Материалы V Всероссийской научной конференции. – Майкоп, 2006. – С. 305-308.

50. Червоный А.М. Прагматический аспект ментальной лексики в выражении оценки /А.М. Червоный // “Личность, речь и юридическая практика”. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 10, Ч.II. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 213-217.

51. Червоный А.М. Типологический анализ ментальной лексики в диахронии/ А.М. Червоный // Материалы Международной научной конференции “Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков”. Часть 2. – Таганрог, Издательство Таганрогского государственного педагогического института, 2007.– С. 184-188.

52. Червоный А.М. Ментальные действия в пословичной картине мира (на материале русского языка) / А.М. Червоный //Язык и межкультурная коммуникация: материалы I международной научной конференции. – Астрахань: Издательский дом “Астраханский университет”, 2007. – С. 206-208.

53. Червоный А.М. Ментальная лексика как фактор эволюции языка/А.М. Червоный // Человек в современных философских концепциях. Материалы 4-й Международной конференции в 4 т. – Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2007. – Т.4. – С. 151-155.

54. Червоный А.М. К вопросу возникновения ментальной лексики / А.М. Червоный // Социально-экономические аспекты образования и научного познания в XXI веке. Материалы научно-практической конференции. – Москва: Негосударственная автономная некоммерческая образовательная организация «Московский социально-гуманитарный институт», 2008. С. 49-50.

55. Червоный А.М. Субъект речи и субъект высказывания в пространстве коммуникативной ситуации /А.М. Червоный // Материалы XI-ой научно-практической конференции “Проблемы психологии, филологии и межкультурной коммуникации”. – Таганрог: Издательство Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Таганрогский институт управления и экономики", 2010. – С. 110-114.

56. Червоный А.М. Семантические функции субъекта и его мысли (по роману Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”) /А.М. Червоный // Материалы Международной научно-практической конференции «Перспективы развития языкового образования в неязыковом вузе». – Таганрог: Издательство Таганрогского технологического института Южного федерального университета, 2010. – С. 372-382.

57. Червоный А.М. Устранение семантического субъекта из структуры высказывания как проявление языковой экономии (на материале французского языка) /А.М. Червоный // Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции “Наука о языке и Человек в науке” (памяти выдающихся романистов В.Г. Гака и Л.М. Скрединой). – Таганрог, 2010. –Том II. – С. 280-286.

58. Червоный А.М. Лексико-грамматический состав фразеологических единиц, выражающих интеллектуальную деятельность Человека /А.М. Червоный // “Ars grammatica. Грамматические исследования”. Материалы 4-й Международной конференции. – Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2010. – С.180-182.

59. Червоный А.М. Устранение семантического субъекта как проявление двух противоположных тенденций языка: экономии и избыточности (на материале письменного и устного французских дискурсов) /А.М. Червоный // “Вопросы теории языка и методики преподавания иностранных языков”. Сборник научных трудов IV Международной научной конференции. – Таганрог: Издательство Таганрогского государственного педагогического института, 2011. – С.189-193.

60. Червоный А.М. Субъектная номинализация и ее функции в дискурсе (на материале французского языка) /А.М. Червоный // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Специальный выпуск. Гуманитарные науки. – Таганрог: Издательство Таганрогского государственного педагогического института, 2011. – С. 73 – 78.

61. Червоный А.М. О полифонии субъекта речи /А.М. Червоный // “Речь. Речевая деятельность. Текст”. Материалы Всероссийской межвузовской научной конференции, посвященной памяти профессора Г.Г. Инфантовой. – Таганрог, 2012. – С. 462-465.

62. Червоный А.М. Интеракциональная сущность языкового субъекта /А.М. Червоный // Интеракциональные аспекты языка и речи. Материалы международной научной конференции. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2012. – С. 107-111.

63. Червоный А.М. Полифония концепта «Языковой субъект» и его синергетическое ядро/А.В. Алферов, А.М. Червоный // Материалы научной конференции "Университетские чтения –2013." Часть IV. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2013.– С. 139-144.

64. Червоный А.М. Фразеологизм как средство номинации ментальной сферы человека / А.М. Червоный // Международное научное сотрудничество, образование и культура. – Ростов-на-Дону: Summa Regum, 2013. – №1 (1). – С. 160-165.

65. Червоный А.М. Фразеологическая инкарнация субъекта / А.М. Червоный // Исследования в области романо-германской филологии и методики преподавания иностранных языков. Материалы научно-практической конференции. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2013. – С. 185-193.